Ю
Д97
Дюпон
Восстание
германское
М 1923

Ю
D 97

ДЮПОН

ВЫСШЕЕ ГЕРМАНСКОЕ КОМАНДОВАНИЕ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
ЖОФФРА

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

МОСКВА 1923

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ.

Москва, Смолеиский бул., 53.

Склад изданий В. В. Р. С. — Глазовский пер., д. 1.

НОВЫЕ КНИГИ:

Шлиффен.

„КАННЫ".

Перевод с немецкого проф. Е. Снесарева и А. Свечина. Размер—114 стр. Отдельн. прилож. в виде альбома из 101 схемы.

Общественный классический труд германской военной литературы, на которой воспитывались поколения военных людей Германии. Идеи Шлиффена были положены в основу плана военных действий Германии в минувшую мировую войну.

Цена 3 р. 50 к.

С. Каменев.

„Новые приемы боя" 24 стр. и 9 схем.

Небольшая книжка хорошо известного всей Красной армии писателя—в сжатом виде излагает сущность современного боя пехоты, главную особенность и трудность которого составляет сочетание действий скорострельной машины (пулемета) и стрелков. Чертежи и особое приложение, изображающее положение наступающей пехоты на живой местности, прекрасно иллюстрируют мысли автора. Цена 30 к.

Кюльман.

„КУРС ОБЩЕЙ ТАКТИКИ".

Перев. с франц. под ред. Е. А. Снесарева, в 2-х част. 37 п. л. с 20 рис.

Первый обширный и систематический курс общей тактики, созданный на основании опыта минувшей великой мировой войны.

Михеев.

„ТЕХНИКА и ТАКТИКА ТАНКОВ" 2 п. л. с 8 чер. и 3 рис. в тексте (пособ. для сл. В. У. З.)

В пособии просто и удобопонятно изложены основы технического устройства и боевой работы танков. В начале книги помещен краткий очерк возникновения и развития этого нового вида оружия? Чертежи руют содержа-

Н. Моро

„ТАКТИКА ПЕ

Этим тру
военной ли
пор оригин
хоты с учет
та мировой
хорошо спр
работа при
учебных за

р. с нем. 4 п. л.
ряд тактиче-
пояснениями
вий батальона
. Может слу-
мем для соста-
ке задач у нас,
ля с новыми
взглядами на

„Временны
устав М

Часть II. 4

1914—18 гг."
редакц. проф.
Новицкого с

Устав изл
чения и дей
хоты на осн
Французска
пути «маш
главный ин

тратегических
ывающих ги-
исследует осо-
ого фронта и
анских войск.

При покуп
скими част

экз., воин-
кидка 30% .

Ю
Д 97

355.1(43)

ДЮПОН

ВЫСШЕЕ ГЕРМАНСКОЕ КОМАНДОВАНИЕ

(С НЕМЕЦКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ)

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО
БРАГИНСКОГО

С ДВУМЯ СХЕМАМИ

38240 / 8°
М

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
МОСКВА 1923

(Главлит. № 13533)—г. Москва. Тираж 2.500 экз.

Тип. Воз ушного Флота, Б. Садовая, 3.

Труд Дюпона выпускается на русском языке без всяких сокращений. Эти сокращения были бы уместны в тех местах, где генерал Дюпон выступает не как талантливый военный критик, а как ограниченный (и подчас грубый) шовинист.

Издательство вполне уверено в том, что русский военный читатель, в своей массе достаточно политически развитый, пройдет мимо этих мест.

В. В. Р. С.

Предисловие.

Генерал Дюпон просит меня рекомендовать его книгу публике.

Я это делаю тем более охотно, что таким образом нахожу случай выразить ему публично мое к нему особенное уважение. Как начальник 2-го Бюро Генерального Штаба, до войны и в ставке во время войны он был одним из полезнейших, из самых дальновидных помощников командования.

Книга, написанная им, будет читаться с живейшим интересом, и все беспристрастные читатели, сравнивая работу наших штабов с тем, что произошло у немцев, без сомнения, найдут, что сравнение всецело в пользу французской армии.

Пока же ген. Дюпон вновь оказал своей стране заметную услугу.

Ж. Жоффр.

Париж.
9-го ноября 1921 г.

ЧАСТЬ I.

Первоначальные действия.

Основная ошибка.

13-го августа, вопреки всем нашим ожиданиям, великий князь Николай Николаевич сообщает господину Палеологу, что „Виленская и Наревская армии перейдут в наступление на рассвете следующего дня".

Действительно, 14-го августа трогаются по направлении к Восточной Пруссии:

1) Неманская армия, под командой Ренненкампфа, с востока на запад от Вильны к Гумбинену. Она переходит границу 17 августа;

2) Наревская армия, под командой Самсонова, с юга на север, к Сольдау—переходит границу 21-го.

На русском фронте Германия оставила: 3 полевых корпуса—I, XVII и XX, один резервный—I-й, одну резервную дивизию,—3-ю и одну кавалерийскую дивизию.

Все эти силы сосредоточены в Восточной Пруссии, составляя VIII армию. В Познани и Силезии, наименее угрожаемых провинциях, сосредоточено лишь несколько бригад различного состава.

Командующий этими силами ген. ф. Притвиц-Гафрон смущен; он предполагает очистить всю Восточную Пруссию и отойти на Вислу от Торна до Данцига. Здесь, под прикрытием реки и мощных современных укреплений, он будет в полной безопасности.

Высшее германское командование не может на это решиться. Чтобы понять это, достаточно прочесть главу из мемуаров Фридриха II, в которой великий король разбирает военное значение Восточной Пруссии. Растерявшийся полководец замещен генералом ф.-Гинденбургом, которому 67 лет; он уже 3 года находится в отставке. Начальником штаба к нему назначается ген. Людендорф, находившийся тогда в районе Льежа, только что взятого им. Людендорф захватывает с собой своего нового начальника в Ганновере 24 августа.

Но он не один уехал из Бельгии. За ним 25 августа вечером следуют два корпуса, снятые с французского фронта: гвардейский резервный, взятый из армии ф.-Бю-

лова и XI-й армейский корпус, из армии ф.-Гаузена; эти корпуса сопровождаются 8-й кавалерийской дивизией.

Эти силы прибудут после сражения под Танненбергом; подобно корпусу Друэ д'Эрлон в сражении при Линьи, они, в соответственном современном масштабе, прошатались бесполезно от одного поля сражения к другому. Возможно, что это и было нашим спасением. Предположите, что гвардейский резервный корпус был бы 7 сентября на своем месте, между армиями ф.-Бюлова и ф.-Клука, XI корпус и саксонская кавалерийская дивизия 9 сентября были бы в армии Гаузена у Ля-Фер-Шампенуаз (La Fère Champenoise), какие могли бы быть последствия!

При виде этой ошибки германского генерального штаба в 1914 г. Мольтке старший должен был перевернуться в гробу.

С первых дней русско-французского союза французский генеральный штаб приложил все усилия, чтобы убедить русских в необходимости быстрого вмешательства, прежде чем немцы сумели бы раздавить нас всеми своими силами. Никогда, в течение всего этого долгого периода, мы не встречали столько доброй воли и такого понимания обстановки, как накануне войны. В августе 1913 г. ген. Жоффр, сопутствуемый главными офицерами генерального штаба провел месяц в России с царем и великим князем. Он сумел их убедить. Они дали даже больше, чем обещали, несмотря на противодействия, о которых говорит г. Палеолог.

Николай Николаевич имеет право на благодарность Франции.

Несколько личностей.

Автором плана, который чуть не погубил нас, был ген. ф.-Шлиффен.

Ученик Мольтке, он стал во главе генерального штаба в 1891 г., сменив Вальдерзе. Он сохранял этот пост в течение 13 лет до 31 декабря 1905 г. Это был человек первоклассного ума и необычайной силы воли. В момент вступления его в должность германский план состоял в наступлении против России и обороне против Франции. Мало по малу, под влиянием изменившихся обстоятельств, Шлиффен совершенно перерабатывает этот план. Генерал ф.-Куль, проведший всю свою служебную карьеру в большом генеральном штабе и состоявший в течение войны начальником штаба ф.-Клука, затем принца Баварского, излагает генезис и развитие в переработке этого плана, в своем труде: „Германский генеральный штаб".

Конечно, план Шлиффена, как мы увидим дальше, не таков, каким его представляли некоторые из наших историков и стратегов типа Тьера. В нем не видно щипцов двойного охвата, в нем нет вопроса о том, чтобы упереться правым крылом на море. Это очень печально, но Шлиффену, вероятно, не доставало воображения.

Итак, Шлиффен решается на наступление против Франции.

Согласно плана, выработанного в 1901 г., правый германский фланг должен был пройти через Домшери и Стеней и ограничиться наблюдением за Льежем. Мало по малу, Шлиффен распространяет размах движения к северу. Сосредоточение от Сен-Вита (Saint-With) переносится к северу от Аахена. Северную группу, он составляет сначала из 9 корпусов, затем из 11, за которыми должны будут следовать 7 резервных корпусов, предназначенных для прикрытия правого фланга и блокады Антверпена. Он сохранит в Лотарингии оборонительное положение и при необходимости эвакуирует Верхний Эльзас. Вследствие этого, он укрепляет Верхний Рейн у Иштейна и Мюльгейма, создает фронт Страсбург –Донон вдоль долины реки Брюш, большой укрепленный лагерь Метц—Тионвиль и укрепленную позицию Ниды. В это же время он укрепляет весь Восточный фронт, создает оборонительную линию вдоль Мазурских озер, развивает привисленские крепости: Торн, Фордон, Кульм, Грауденц, Мариенбург, усиливает Позен и укрепляет Бреславль. Его последние слова на смертном одре, как передает нам его зять ген. ф.-Ганке, были следующие: „подкрепляйте правое крыло".

В своем труде, появившемся в 1921 г. под названием „Graf Schlieffen und der Weltkrieg", подполковник ген. штаба Ферстер точно излагает последний план Шлиффена, установленный в 1905 г.

На 22-й день мобилизации фронт должен проходить через Гент, Мобеж, Мезиер, Седан, Монмеди и Оден-ле-Роман (Auden-le-Roman), к западу от Тионвиля. От Тионвиля к Донону и до Бельфора фронт должен был удерживаться как-раз на границе. На 31-й день мобилизации, фронт проходит по линии: Аббевиль, Амиен, Сен-Кантен, Ретель, Тионвиль; затем, опять-таки по границе.

На правом фланге двигающегося крыла 7 армейских корпусов должны обойти Париж с запада, в то время как 6 корпусов эрзаца, следующие за ними, обложат его с юга Затем эти 7 корпусов направятся к Ионне, Сене, Ножану, и Большому Морену (Grand Morin). В течение всего похода

от Лилля к Парижу охрана правого фланга обеспечивается уступным эшелоном.

Дивизии, оставленные между Тионвилем и Бельфором, будут стараться удержать возможно больше неприятельских сил и заманивать их, отступая перед ними. Общее движение вперед этого левого крыла начнется только после осуществления большого захода, когда Париж будет обойден, осажден и пройден, следовательно, гораздо позднее, в момент, который трудно определить заранее. Вот, когда будет возобновлено сражение при Каннах.

Мы не приводим здесь количества дивизий на различных частях фронта, также как не проводим их числа, оставленного на русском фронте. Так как общее число германских дивизий сильно возросло между 1905 и 1914 г.г., такое перечисление могло бы только спутать.

На русском фронте Шлиффен оставляет достаточно сил; его заместитель подражает ему в течение долгого времени. Только в 1913 г. Мольтке решается из'ять два резервных корпуса из армии Восточной Пруссии. Он их употребляет на усиление не правого, а левого германского крыла на французском фронте. В эту сторону он послал даже 8 корпусов вместо 4, предположенных Шлиффеном, из которых последний предполагал взять возможно скорее два корпуса для перевозки на правый фланг, в случае если французы не перейдут в наступление. Мольтке поступает так не столько с целью наступления левым флангом, сколько, как говорит Куль, в ожидании с этой стороны атаки французов. Подполковник Таппен, ныне генерал-лейтенант, сменивший Людендорфа в 1913 г. в оперативном управлении и состоявший начальником этого управления в течение первых годов войны, говорит нам по этому поводу: „очищение, даже кратковременное, части Лотарингии в начале операции казалось нежелательным, и его следовало избежать, если обстоятельства непременно этого не потребуют". Нужно добавить, что на Таппена в Германии смотрят, как на человека, который оказался не на высоте свое задачи.

Как бы то ни было, но во всех этих изменениях чувствуется некоторая неуверенность; великолепное произведение Шлиффена испорчено. И, действительно, его заместитель Мольтке—фигура гораздо более мелкая. Он племянник великого стратега, и это имя возносит его на вершину власти; наследство слишком тяжело. Вот что по этому поводу говорит германский генерал Баумгартен в своем труде, о котором мы будет говорить дальше: „когда граф Шлиффен вышел в отставку, армия надеялась на назначение Гинденбурга или Бюлова. Воля императора решила

иначе. На место, которое должен был занимать достойнейший, он посадил этого отличного человека, но посредственного генерала, за то, что он носил самое славное имя в армии. Мольтке не был тем человеком, который мог бы осуществить грандиозный план Шлиффена".

Все германские писатели сходятся в своей оценке Мольтке. Это добросовестный работник и скромный человек. Он ужаснулся той ответственности, которая возлагалась на него, когда его выбрал император, и стремился уклониться от нее. В течении 10 лет, пока он занимал эту должность, он работал сам и заставлял много работать всех вокруг себя. Армия питала к нему доверие; он умел подойти к императору и помешать его слишком фантазерскому вмешательству. Но у него не было веры в свою звезду, он был очень впечатлителен и чувствителен к второстепенным фактам. Его здоровье в 1914 г. было не блестяще; говорят даже, что он провел два сезона на водах в течение 6-ти первых месяцев года, не почувствовав от этого большого облегчения.

Мольтке приумножал свои ошибки. До войны он придерживался плана своего предшественника, что было вполне благоразумно, но очень неудачно видоизменил его. Его соотечественники, говоря о нападении на Бельгию, как мы увидим далее, обвиняют его в слишком слепом выполнении намерений Шлиффена и в непонимании изменившихся обстоятельств. Во время войны он дает себя смутить русским наступлением, у него уже с самого начала не хватает духа и, что уже совсем неблагоразумно, он ослабляет маневренное крыло, отнимая у него два корпуса. В течение операций с его стороны не видно никакого руководства; когда он, случайно. желает вмешаться, то напрасно прикрывается именем императора; он не пользуется никаким авторитетом; его не слушают. Движение от границы к Шампани и покажет нам его нерешительность, а Марна — его провал. С 13 сентября ген.-квартирмейстер ф.-Штейн фактически сменяет его; Мольтке устраняется 16 сентября 1914 г. и не получает никакой новой должности; он умирает в 1916 г., 64 лет.

Шлиффен дал еще один вариант своего плана на случай, если Франция не сразу начнет действовать в случае войны центральных держав с Россией. Этот вариант состоял в употреблении половины сил на востоке совместно с австрийцами, другая половина оставлялась в Германии, готовая к переброске. Если французы перешли бы в наступление, то все свободные силы бросили бы внезапно на их правый фланг.

Этот вариант был нам известен. В 1909 г., записка Шлиффена, излагающая его в связи с разбором полевой поездки генерального штаба, попала в наши руки. Ген. Баумгартен, опубликовывающий его в своем недавнем труде „Deutsche Heerführung im Marne Feldzug 1914", появившемся в 1921 г., удивляется, что никто из тех, кто должен был знать этот вариант в 1914 г. не упоминает о нем. Этот вариант позволил бы избежать об'явления войны Бельгии и нарушения ее нейтралитета.

Эта полевая поездка имела место в 1905 г., т.-е. в последний год деятельности Шлиффена. Поездка эта строилась на том предположении, что французы захватили инициативу операций, проникли в Лотарингию и выиграли несколько переходов. Их авангарды подходили к Ниде в момент, когда немцы начинали контр-атаку. Командующим немецкой стороной был один из помощников начальника большого генерального штаба. Действуя как бы рефлекторно, он бросает свое правое крыло в бельгийский Люксембург, чтобы широким обходом охватить наш левый фланг. Шлиффен осуждает эту операцию: „не было необходимости совершать этот обход через бельгийскую территорию. Достаточно было использовать маневренные возможности, которые нам предоставляет большая крепость Мец. Широкое движение через бельгийскую территорию соответствует положению, когда мы, перейдя в наступление, стремимся нащупать французов за барьером их крепостей, которые мы смогли бы взять с фронта только ценой слишком больших потерь". Подобное заявление от такого лица имеет для нас большее значение, чем план операций, который попал бы в наши руки и который обыкновенно должен рассматриваться, как вариант плана, подготовленного в предвидении нескольких возможностей.

Беглый обзор операции в Восточной Пруссии выявляет несколько характерных черт.

Маневр, приведший к победе под Танненбергом в конце августа, известен. Людендорф все время говорит о нем в своих воспоминаниях и гордится им. Он прав: это одна из самых блестящих операций за всю войну. Но есть одна подробность, о которой он умалчивает, которая значительно облегчила его задачу и которая уменьшает значение его дерзновения. Он знал русский шифр; все приказы армии его противника, переданные по радиотелеграфу, расшифровывались им, и он знал о них одновременно с исполнителями этих приказов. Каждый вечер перехваченные радиотелеграммы расшифровались к 11 часам. Их приносили Людендорфу, который по ним составлял свой приказ. Когда

же, случайно, происходила некоторая задержка, он, обеспокоенный, приходил в шифровальное бюро, чтобы узнать о причине такового запоздания.

Я узнал эти подробности лично от его офицера шифровальщика; широкие массы узнали об этом факте от Фалькенгайна, упоминающего о нем осторожно, вскользь, в своих воспоминаниях.

Нескромность Фалькенгайна об'ясняется очень просто: это самая простая зависть замещенного к заместителю. Известно, что Фалькенгайн сменил Мольтке 15 сент. 1914 г. и сохранял свою должность в течение 2 лет, после чего передал ее Гинденбургу-Людендорфу в августе 1916 г.

В течение всех этих 2 лет ему пришлось многое вынести из-за независимости и даже враждебности Людендорфа, на что он жалуется в своем труде. Его задача не облегчалась такой опозицией, и он мог сохранить по отношению к ней некоторую горечь.

Вот, что по этому поводу говорит Гинденбург: „решительная борьба на западном фронте, борьба, стремящаяся к окончательной победе, была для меня также ultima ratio, которая должна была повести к миру. Но по моему мнению, нам не следовало прибегать к этой ultima ratio прежде, чем мы не справились с русскими. Возможно ли справиться с Россией?.. мне казалось, что в течение зимы 1914-15 гг. я мог ответить на этот вопрос утвердительно. Именно это различие мнений составило главную основу конфликта, разыгравшегося в эту эпоху между германской ставкой и моим штабом".

„Мой штаб"! Как под этим угадывается драма. Гинденбург—старый, лояльный, дисциплинированный солдат, без сомнения, сохраняет свои симпатии, но соглашается склониться перед мнением Фалькенгайна, который, зная общее положение, в состоянии, как признает Гинденбург, лучше судить.

Но его начальник штаба, горячий, страстный, честолюбивый, полный своими недавними триумфами, не хочет упускать лакомого куска. С 10 сентября, в самый разгар победы над Ренненкампфом, которая доканчивает русскую катастрофу, он требует новых подкреплений. И в течение своих двух лет ожидания высшего поста он в этом отношении будет поступать одинаково. Для него война сосредоточивается на его восточном горизонте.

В продолжение этих 2 лет высокопоставленные посетители то и дело сменяли друг друга. Можно догадаться, в частности из рассказов ф.-Тирпица, о том, что эти посетители должны были там слышать, и о том впечатлении, с

каким они возвращались в Берлин и на западный фронт, о мнениях, которые там высказывались по поводу Фалькенгайна.

Действительно, личность генерала Эрика ф.-Фалькенгайна интересна.

После очень бурной карьеры, отстраненный от армии по мало известным причинам, не совсем благовидным, как говорят его противники, он вновь появляется, чтобы вдруг попасть в милость к императору. Он быстро проходит ряд последовательных ступеней: полковник в 1911 г., он становится начальником штаба в Метце, где доставляет нам много забот. Он часто путешествует по нашей территории; его видят в Нанси на параде, на авиационных испытаниях. Принятый французами, имеющими интересы по ту сторону границы, он пользуется этим, чтобы совершать по району поездки в автомобиле. Это то обстоятельство и вынудило французское правительство применить для в'езда иностранных офицеров в наши восточные департаменты те же условия, которые мешали посещению французскими офицерами Эльзас-Лотарингии. Как бы то ни было, Фалькенгайн, произведенный в генералы в 53 года, вскоре стал военным министром. Савернское дело вскрывает его личность широкой публике. Война застает его на посту. В сентябре 1914 г. он сменяет Мольтке и сохраняет свой пост в течение 2 лет. Нам обычно рисуют его как человека честолюбивого, энергичного и властного. Его ум, богатый мыслями, находится всегда в работе. Но иногда он немного волнуется и не всегда удачно вмешивается в сферу деятельности своих подчиненных. Его работа была тяжела. Верденская операция, генезис которой он излагает в своих воспоминаниях, поколебала его положение, и когда он становится об'ектом интриг своих вероятных заместителей, император покидает его. Вильгельм II под давлением общественного мнения в момент кризиса, вызванного вмешательством Румынии, призывает Гинденбурга, „которого он не желал,—говорит нам Тирпиц..., —он находил его слишком великим..., в особенности, он не желал Людендорфа, которого терпеть не мог“ [1]).

В противоположность тому, что можно было ожидать от его характера, судя по тому как описывают его недоброжелатели, Фалькенгайн выказал в опале большое чувство собственного достоинства

[1]) Я рекомендую по этому поводу книгу „Король“ Карла Рознера. (Книгоиздательство Гота, Штуттгарт и Берлин 1921 г.). Это самое замечательное из всего, что появилось о психологии Вильгельма II и его окружающих.

Его воспоминания обнаруживают гораздо больший ум, чем у его соперника Людендорфа и у других германских генералов—ф.-Клука, ф.-Бюлова, самозащита которых их не очень возвеличивает. История, ставя всех на свое настоящее место, возвеличит Фалькенгайна.

Среди интересных лиц, проходящих в блеске славы Танненберга, мы находим еще Макензена, который не оставил по себе доброй памяти в Восточной Пруссии. Ему ставят в вину большую часть первоначальных неудач и упадок мужества. Его упрекают в том, что он послал в огонь XVII корпус, которым он командовал, без артиллерийских снарядов. Как бы то ни было, Гинденбург и Людендорф не высоко ценили его военные качества. В то время, как у них в руках было верховное командование, они ни разу не призвали его на французский фронт. Но Макензен был одним из фаворитов императора, военным учителем которого он был. Вследствие этого ему давали на востоке командные должности, которые считались скорее блестящими, чем важными. Это мнение было подтверждено и заключительной катастрофой, вызванной атакой генерала Франше д'Эспере.

Большим недостатком императора Вильгельма II, основным недостатком, которым он отличался от своего деда, было его неумение разбираться в людях. Сверх того, он ценил только льстецов и терпеть не мог людей независимого характера. Все те, кто имели ярко выраженную индивидуальность, попадали преждевременно в опалу. Мы назовем Бернгарди, Гинденбурга, Безелера. Мы только что видели с каким трудом император покорился необходимости призвать Людендорфа: у него были свои личные симпатии, об'яснявшиеся только его капризами. Офицеры, которых он знал во время своей службы в I гвардейском полку, пользовались всеми его милостями. Некоторые из них занимали высокое положение или важные командные посты, несмотря на свою чрезвычайную неспособность.

По мнению офицеров прусского генерального штаба, и события подтвердили их мнение, в высшем командном составе не было ни одного выдающегося ума, за исключением Бюлова, пользовавшегося доверием компетентных военных кругов, но которого, к несчастью, уже затронула болезнь. Эти самые офицеры рассказывали мне, что в германском Большом Генеральном Штабе отдавали себе отчет в этой скудости и потому боялись войны в царствование Вильгельма II.

Германские силы.

В августе месяце 1914 г. Германия мобилизовала:
25 полевых корпусов;

1 второочередной гвардейский корпус, под названием гвардейский резервный, составленный из 3-й полевой гвардейской дивизии и 1-й гвардейской резервной дивизии;

13 резервных корпусов (I, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XII, XIV, XVIII и баварск. резервн. корп.);

1 смешанную резервно-ландверную дивизию—39-ую.

3 резервных дивизии: 3, 30 и 33 резервные дивизии;

1 дивизию под названием 31-я дивизия, но составленную из ландвера; это все в общем по численности равнялось 30 резервным дивизиям.

Заметим мимоходом, что французский генеральный штаб весной 1914 г. оценивал численность германских сил следующим образом:

25 полевых корпусов, 1 второочередной гвардейский корпус и 30 резервных дивизий, из которых по крайней мере 20 сведены в 10 корпусов.

По правде говоря, было бы трудно достичь большей точности.

Так как в германском корпусе не было корпусной артиллерии, то резервный корпус составлялся просто путем сведения 2 дивизий, что затрудняло точное исчисление резервных корпусов. Для того, чтобы узнать число резервных корпусов, нужно было обнаруживать существование их штабов.

Между прочим, генеральный штаб французской армии, с начала мобилизации предвидел формирование 6-ти дивизий из числа „местных резервов“ („réserves de place“). Это были дивизии „эрзаца,“ некоторые из которых действительно появились с первых же недель войны. Несмотря на это создалась легенда, что эти резервные корпуса явились неожиданностью. Из-за того, что Германия тщательно скрыла их существование и из-за того, что французские военные критики, или их осведомители, не подозревали о их существовании, создавалось мнение, что о них не знали те, кому надлежало знать. Число их чрезмерно преувеличили, об'явив, что было столько же резервных, сколько и полевых корпусов.

Один известный писатель, который должен был-бы быть научен опытом своей профессии более строгой критике, и другой, менее известный, но которого широкая публика могла принять за осведомленного эксперта, особенно содействовали распространению этой легенды. Вокруг этих двух авторитетов взволновался целый хор. Эта кампания велась, без сомнения, главным образом с целью польстить национальному самолюбию. Действительно, как могла быть разбита французская армия, если она не была взята врасплох? В 1870 г. наши неудачи приписывали измене

генералов; в 1914 г. это приписали невежеству генерального штаба.

Те же критики создали подобную же легенду относительно германской тяжелой артиллерии. В этом случае нет нужды обращаться к секретным архивам, чтобы убедиться в ее неточности. Сильное снабжение германских частей тяжелой артиллерией, а также способ ее применения, нам были точно известны. Чтобы убедиться в этом достаточно пробежать комплект „Иностранного военного обозрения“ („Revue militaire de l'étranger“), бывший органом ген. штаба за последние 20 лет. Этот журнал выявил все увеличивающееся применение частей тяжелой артиллерии, создание мортир огромного калибра, введение в армию минометов, мощь новых орудий и их количество.

Что „чемоданы“ („marmites“) явились для войск неприятным сюрпризом, это совершенно естественно. Но если среди командования всех ступеней некоторые и были удивлены их существованием и их силой, то они сами виноваты в этом.

Распределение сил.

Из общего числа своих сил немцы оставили против России, как мы уже видели, 4½ корпуса. Это распределение также не является для нас неожиданностью. Мы всегда говорили русским, что вначале они будут иметь против себя только от 4 до 5 полевых корпусов и несколько резервных дивизий. Если к 1 августа 1914 г. действительное число было несколько меньше, то с 25 августа отправка из Бельгии XI и гвард. резервного корпусов на восточный фронт доводило общее число корпусов до предполагаемого.

Русские долго продолжали верить после ухода Мольтке и крушения германского плана, что немцы начнут наступление против них и сохранят оборонительное положение с нашей стороны.

В 1899 г., русская делегация, приехавшая на похороны президента Феликса Фора, имела в своем составе генерала генерального штаба Сологуба. Он заявил нам, что по его мнению немецкое наступление начнется на их фронте, но в случае, если немцы займут оборонительное положение, они оставят на русском фронте следующие 7 полевых корпусов: 5 тогдашних пограничных, гвардию и саксонцев; командующим будет саксонский король. С 1903 г., сведения, которыми мы располагали в результате разведки восточной Германии, позволившей нам убедиться в укреплении линии Вислы и Мазурских озер, в развитии или постройке укреплений, о которых мы говорили выше, в организации же-

лезных дорог в численном отношении и в отношении провозоспособности и выгрузочных станций, дали нам возможность доказать русским их заблуждение. Они приблизились даже к нашему исчислению германских сил, которые они вначале должны были иметь против себя, и вообще держались цифры 7 полевых корпусов, соответствовавшей их предположениям 1899 г., не увеличивая ее даже тогда, когда германская армия увеличила свой численный состав с 20 на 23, а затем на 25 корпусов. Это преувеличенное мнение о силах, которые они должны были встретить, увеличивает заслугу их наступления в 1914 г.

Силы, примененные на французском фронте, были распределены между 7-ю следующим образом составленными армиями.

I (ф.-Клук): II, III, IV, IX, III резервный, IV резервный корпуса, 3 бригады ландвера;

II (ф.-Бюлов): VII, X, гвардейский, гвардейский резервный, VII резервный, X резервный корпуса, 2 бригады ландвера;

III (ф.-Гаузен): XI, XII, XIX, XII резервный корпуса, 1 бригада ландвера;

IV (герцог Вюртембергский): VI, VIII, XVIII, VIII резервный, XVIII резервный корпуса, I бригада ландвера;

V (кронпринц): V, XIII, XVI, V резервный, VI резервный корпуса, 33 резервная дивизия, 5 бригад ландвера;

VI (Рупрехт Баварский): XXI, 4 баварских корпуса, I баварский, II баварский, III баварский, I резервный баварский, 6 бригад ландвера;

VII Верхний Эльзас (ф.-Геерингеи): XIV, XV, XIV резервный корпуса, 30 резервная дивизия, 39 резервная дивизия (сводная), 31 резервная дивизия (ландвер).

Сверх того 23 августа, появляется IX резервный корпус, остававшийся до сих пор в Шлезвиг-Гольштейне, направляющийся из Аахена к Антверпену.

XI корпус и гвардейский резервный покидают свои армии 26 августа.

В общем на французском фронте остаются 21 полевой корпус и резервные части силою в 14 корпусов.

Из 11 кавалерийских дивизий, 10 находятся на западном фронте, сведенные в 4 следующих корпуса—справа налево: II ой конный корпус (2, 4, 9 кавалерийские дивизии); I конный корпус (гвардейская и 5 кавалерийская дивизии). Эти оба конные корпуса должны прикрывать фронт I, II и III армий. IV конный корпус (3 и 6 кавалерийские дивизии) находится при V армии; III конный корпус (7, 8 и Бавар-

ская кавалерийские дивизии) при IV армии. I кавалерийская дивизия действует на русском фронте.

Германский план операций.

Этот план, генезис которого мы рассмотрели, говоря об его авторе, генерале ф.-Шлиффене, состоял в нашествии на Бельгию по обоим берегам Мааса и в осуществлении широкого захождения плечом, снижая двигающееся крыло а линию Намюр—Мобеж—Валансьен.

Чтобы оправдать насилие над Бельгией, германский генеральный штаб заявляет, а генерал ф.-Куль утверждает это еще в 1919 г., что он был уверен в сотрудничестве Бельгии и Франции с самого начала войны. Это ложь; ничто не давало повода к такому предположению. Поведение бельгийских посланников и военных агентов в Берлине и Париже исключало это предположение. Бельгийская военная литература предвидела скорее противоположное. За несколько лет до войны один очень осведомленный бельгийский генерал в труде, опубликованном под псевдонимом О. Дакс (O. Dax), ратовал за сотрудничество Бельгии с наиболее сильной державой, каковой для него была Германия. И эта книга не вызвала никакого возмущения, а генерал, короткое время спустя, получил самое высокое назначение, какое он мог получить. С другой стороны, волнение, вызванное в Бельгии, и возбуждение всей бельгийской прессы, когда узнали об экскурсии одного французского генерала и нескольких офицеров в Валлонию около 1913 г., характеризует общественное настроение и свидетельствует о той заботе, с какой старались сохранить свой нейтралитет.

За 18 месяцев до войны один полковник бельгийского генерального штаба, имеющий связи во Франции, женатый на француженке и сыгравший доблестную роль в борьбе, говорил мне: „господин Мильеран открыл в Мобеже ангар для аэростата. Разве вы хотите из Мобежа сделать крепость для наступления? Надеюсь, вы не имеете намерения войти к нам, В противном случае берегитесь!“

Бельгийцы выполнили бы свой долг нейтрального государства против нас, и немцы не могли этого не знать.

Смелость этого плана, казалось, удивила французское командование. Сосредоточение крупных частей на бельгийской границе было несомненно; железнодорожная сеть отмечала это на карте. Создание Эльзенборнского лагеря около Мальмеди, вокруг которого подняли такой шум, ничего не значило. В то время всюду в Германии устраива-

лись многочисленные учебные лагери, и ничего не было удивительного, что устроили один из них, большого размера, в этой бедной стране, вблизи больших рейнских гарнизонов. Но железные дороги, прорезавшие этот район Эйфеля, имели ясно стратегический характер в то время, как развитие укреплений Тионвиля и Гюнингена (Huningue) знаменовало оборону на этом фронте. Французское командование не обмануло; в 1908 г. оно перенесло месторасположение главной квартиры из Нефшато в Витри - ле-Франсуа (Vitry-le-François). За некоторое время до войны постройка железнодорожной ветки, соединяющей Мальмеди (Германия) со Ставело (Stavelot) (Бельгия), должна была бы открыть глаза наиболее слепым. Необходимо отметить, что все эти работы велись к югу от параллели Льежа. Но дальше как будет вестись наступление? Об этом нужно было догадываться.

Мобилизация и сосредоточение, которые должны быть тщательно регламентированы, требуют издания значительного числа всякого рода приказов и инструкций, которые распространяются сверху вниз до самых мелких штабов и управлений. Невозможно, чтобы в этой огромной канцелярской работе, не произошло утечки. В противоположность этому план операций, помимо базы сосредоточения, мало кому известен кроме одного отдела генерального штаба; в эту тайну посвящено очень мало офицеров; об этом очень мало пишут в отделе и оттуда ничего не появляется. Следовательно, неприятельский план операций невозможно узнать документально: его можно только обсуждать и делать только предположения. Выбрать из всех возможных неприятельских планов наиболее вероятный—это уже является искусством начальника; выбрать, конечно, не для того, чтобы по нему принимать свои решения, что явится уже подчинением чужой воле, но для того, чтобы, продолжая преследовать свою идею, парировать план противника.

В очень добросовестной книге, написанной с полной правдивостью, „Неудачи 1914 г. и их причины“, подполковник де - Томассон ищет причин неожиданности. Несомненно, говорит он в заключении, французский генеральный штаб знал о существовании резервных формирований и о их значительной численности, но, по мнению компетентных германских писателей, он рассматривал их, не столько, как ударные единицы, сколько, как второлинейные формирования, применимые для боя только по истечении нескольких недель.

Это мнение преувеличено. Это было верно 20 лет тому назад, но это было гораздо менее верно в 1914 г., и это

было известно. Тогда уже знали даты мобилизации этих частей. Каждый элемент такой части, батальон, эскадрон, батарея должны были быть мобилизованы и перевезены через 24 часа после соответствующей полевой части: это уже, само по себе, являлось признаком их немедленного употребления. Кроме того, благодаря огромному запасу обученных людей в Германии, эти резервные части состояли, в общем из гораздо более молодых запасных, чем наши. С другой стороны, в этой самой Германии, где считалось большой честью носить офицерский мундир, и где, вследствие этого, никакие соображения об удобстве карьеры не останавливали тех, кто мог надеяться быть допущенным к этой чести, комплектование резервными офицерами было обеспечено лучше чем у нас, за исключением, однако, артиллерии. В силу этих различных причин мы ценили резервные формирования немцев по их действительному достоинству. Ландверные формирования также были гораздо моложе наших территориальных и имели лучший командный состав; они занимали среднее место между нашими резервными и территориальными частями. Только ландштурм соответствовал нашим территориальным частям; он не сражался на нашем фронте.

Посмотрим, ошиблись ли мы настолько, насколько говорят, насчет вероятного применения резервных германских формирований.

Возьмем 3 армии германского двигающегося крыла в начале августа и посмотрим, в каком количестве они имели на Марне резервные корпуса.

1 армия, считая и IX резервный корпус, имела 3 таких корпуса; 2 она оставляет перед Антверпеном, — III и IX; IV резервный корпус оставляет одну бригаду в Брюсселе.

Следовательно, 6 сентября на Урке и Марне она имеет только четверть того, что имела 24 августа.

II армия имеет 3 резервных корпуса: VII, X и гвардейский. VII резервный осаждает Мобеж, гвардейский—отправляется в Россию. На Марну эта армия приводит одну треть своих первоначальных резервных сил.

III армия имеет только один резервный корпус XII; одна из его дивизий, 24 резервная, оставляется для осады Живе (Givet). 6 сентября, к югу от Марны она имеет только половину своих первоначальных резервных сил.

Таким образом, из 14 дивизий, заключавшихся в 7 резервных корпусах, вступивших в Бельгию с I, II и III армиями, в решительном сражении приняли участие только 4 дивизии и одна бригада.

Не было ли это именно таким применением этих частей, какое предусматривалось нами?

Кроме того, резервные корпуса имели только половинную численность артиллерии полевых корпусов; следовательно, они были слабее этих последних.

А вот и еще: когда у III армии отняли IX корпус, она вынуждена была выдвинуть в первую линию, на Маас, свой резервный корпус вопреки, говорит ген. Баумгартен, историк саксонской армии, повторным предписаниям главной квартиры, рекомендовавшей беречь вначале резервные формирования.

В действительности, французские резервные дивизии в среднем были применены раньше и для более независимых операций, чем резервные германские корпуса.

Подполковник де-Томассон основывает свое мнение на одном замечательном труде, появившемся незадолго до войны. Но ученый автор этого труда всегда повторял, что это имеет значение только, как его личное мнение.

И подполковник де-Томассон заключает: только эта ошибочная оценка помешала нам предвидеть размах маневра. Если бы мы думали, что немцы употребят против нас 35 ударных корпусов, а не 20, то сделали бы само собой напрашивающееся заключение, что для этого им необходимо достаточное пространство.

Это очень хорошее рассуждение, хотя все германские авторы сходятся на том, что для своей удачи германский план требовал еще одной лишней армии, уступом назад, за армией Клука. Это мнение имеет все признаки истины, однако, ее нужно искать не здесь.

Генерал Ланрезак, более осведомленный, вскрывает настоящую причину.

В своем труде „План французской кампании“, он пишет: „Большинство французских офицеров—я говорю о тех, которые могли иметь свое мнение по этому важному вопросу,—склонялось к тому, что правое германское крыло не выйдет за линию Мааса и Самбры. Они воображали, что немцы следующим образом будут говорить с бельгийцами:—нам необходим весь правый берег Мааса и Самбры, чтобы дать нашим операциям против Франции развитие, соответствующее величине наших сил; согласитесь ли вы или нет, мы войдем к вам. Оставайтесь спокойно за Маасом и Самброй, мы не пойдем туда за вами. Там, где мы пройдем, мы щедро заплатим“.

И генерал Ланрезак продолжает: „сознаемся, что общее убеждение склонялось к тому, что бельгийское правительство примет этот компромисс, который для немцев имел то

преимущество, что избавлял их от всякой заботы по отношению к бельгийцам и щадил английское общественное мнение".

Вот истина. Было бы слишком нескромно и сейчас еще преждевременно, указывать те серьезные причины, на которых основывалось подобное мнение. Если прочесть внимательно французскую желтую книгу, то в телеграммах, которыми обменялись в первые дни августа относительно Бельгии, открываются достаточно ясные перспективы.

Германский ультиматум посылается 2 августа. Он об'являет о неминуемом насилии над Бельгией и заставляет предвидеть движение через Мааскую долину, „если бельгийцы, в частности, создадут затруднения, использовав мааские укрепления".

3 августа бельгийское правительство отвечает французскому посланнику Клобуковскому, предлагавшему применение соглашения держав о гарантии нейтралитета: „В настоящих обстоятельствах Бельгия не обращается к гарантии держав. Впоследствии королевское правительство оценит, что нужно будет сделать".

В этот же вечер немцы двигаются по бельгийской территории на Льеж.

Только после 12 часов 4 августа Давиньон (Davignon), министр иностранных дел, обращается к этой гарантии и прибавляет следующую оговорку: „Бельгия счастлива заявить, что она обеспечит оборону своих крепостей".

Т.-е. Бельгия не желает видеть ни французов в Намюре, ни англичан в Антверпене. И немцы в 1921 г. еще утверждают о существовании, еще до войны, недружелюбных намерений бельгийцев против них. И барон ф. - Шен сознательно погрешает против истины, когда пишет, что Бельгия заключила соглашение с державами Антанты в предвидении германского нашествия. Проекты, к тому же недоношенные, полковника Бернардистона, исключительно британского происхождения, не оправдывают такого утверждения.

Чтение бельгийской прессы и парламентские прения в годы, предшествовавшие войне, оправдывали это мнение. Несколько раз в парламенте обсуждался вопрос об обороне района Валлонского треугольника к югу от Мааса. Во всем этом районе, в качестве гарнизона, было только немного пехоты в Арлоне, и мы знали, что она при малейшей тревоге должна была отойти на Намюр; легко было убедиться в отсутствии какой бы то ни было подготовки обороны на границах этого треугольника.

Не существовало никакого проекта организации пограничников, лесников, и когда соответствующим бельгийским властям говорили о необходимости иметь хотя бы несколько групп велосипедистов для охраны границ против нарушения ее кавалерийскими раз'ездами как с французской, так и с германской стороны, они оставались глухи. Казалось, что желали избежать какой угодно ценой малейшего шанса столкновения между авангардными раз'ездами нашествия и какой бы то ни было обороной. Какое-нибудь столкновение, какой-нибудь инцидент, происшедший из-за местного сопротивления, мог бы вызвать возбуждение общественного мнения, которого желали избежать. Казалось несомненным, вследствие этих предосторожностей, что бельгийское общественное мнение не будет непримиримым в случае частичного нарушения границ Валлонского треугольника, если долина реки Мааса не будет затронута. Даже военное мнение, более чувствительное к оскорблениям подобного рода, не казалось единодушным в желании сопротивления; мы это видели в книге О. Дакса. Немцы, знавшие это так же, как и мы, не могли верить в вооруженное сопротивление к югу от Мааса. В случае же полного нарушения бельгийского нейтралитета вооруженное сопротивление становилось несомненным.

Что касается меня, то я по этому поводу получил очень любопытное сообщение. После войны я работал в Германии с одним высокопоставленным германским лицом, близким к императору, даже почти доверенным его. Конечно, он самым энергичным образом отвергал, что Германию можно в малейшей мере упрекнуть за насилие над Бельгией: „Мы были в состоянии необходимой самообороны, это извиняет все, и смешно ставить нам это в упрек. Но наша ошибка заключалась в том, что мы недостаточно хорошо подготовили операцию. Когда Шлиффен установил свой план, в Бельгии царствовал Леопольд II, и мы знали, что достаточно будет заплатить, чтобы Бельгия отделалась одним платоническим протестом". (Он мне назвал в этот момент сумму, которая показалась мне несколько высокой для эпохи, к которой она относилась; но ведь ее заплатила бы Франция). „Мольтке совершил большую ошибку, не подумав о том, что обстоятельства изменились".

Почему это высокопоставленное лицо приписывает Мольтке ошибку, которая падает на дипломатию? Несомненно, потому, что он сам принадлежит к дипломатическому корпусу. Долг правительства пролить свет генеральному штабу на возможные последствия его действий. Оно об этом не подумало.

„До войны,—говорит нам адмирал ф. Тирпиц,—по этому вопросу между правительством и высшим командованием не произошло ни одного обмена взглядов. Командование не имело никакого понятия о значении Англии в войне и питало слепое доверие к победным рецептам, оставленным Шлиффеном. Что касается министерства иностранных дел, то там верили, как в евангелие, что Англия до конца останется нейтральной. И еще за несколько дней до начала войны, начальник отделения, ведающего британскими делами, заявлял, что Англия не вмешается". Что касается его, Тирпица, морского министра с 1897 г., он заявляет, что до конца не знал о проекте нашествия на Бельгию, хотя это интересовало и морское ведомство.

Эрцбергер, в своих воспоминаниях, говорит нам, что в 1913 г. министр иностранных дел и военный министр подтвердили перед комиссией рейхстага, что Германия не возьмет на себя инициативу насилия над Бельгией.

Именно это незнание английского общественного мнения об'ясняет растерянность канцлера, когда он увидал, что операция, считавшаяся с давних пор в военных кругах совершенно естественной, вызвала такую бурю.

В своих воспоминаниях „Erlebtes", появившихся в 1921 г., барон ф.-Шен сознается, что он совершенно ничего не знал о проекте насилия над Бельгией, хотя был министром иностранных дел с 1907 по 1910 год.

Во Франции правительство далеко не настолько отделяло политику от стратегии. Я еще слышу слова господина Поля Камбона в Лондоне в 1913 г.: „В своих совместных работах с британским генеральным штабом не забывайте следующее: мы можем рассчитывать на вмешательство Англии только в том случае, если произойдет насилие над Бельгией. В противном случае всемогущее общественное мнение не допустит, чтобы Великобритания приняла участие в войне. Следовательно, хотя ваши совместные работы с британским генеральным штабом являются только изучением возможностей, не допускайте никогда мысли, что Франция взяла бы на себя инициативу нарушения неприкосновенности бельгийской территории даже в оборонительных целях, как бы ни было ограничено поле такого нарушения. Для Англии врагом будет насильник".

И хотя для нас было делом первостепенной важности занять прежде немцев Маас от Живе до Намюра, мы не пошевелились, пока бельгийцы сами не обратились к нам, хотя это обращение было несколько запоздалым, и несмотря на то, что французская разведывательная служба получила

задание об'явить о насилии Германии через час после того как это произойдет.

Как относились в Германии в 1921 г. к насилию над Бельгией, нам покажет подполковник Ферстер. Шлиффен, говорит он в уже приведенном нами труде, изучил план операций, которые должны были применить французы. Вот как он его понимал: без всякого об'явления войны двинуться от Бельфора на Гюнинген и овладеть в этом пункте рейнскими мостами, а также мостами Мюльгейма, Неф-Бризака, занять Верхний Эльзас до линии Мюльгейм—Страсбург (напоминаю, что укрепления Верхнего Рейна еще не существовали), с уменьшенными силами оставаться в оборонительном положении от Нанси до Вердена; с максимальными силами вторгнуться в Бельгию, занять Маас до Льежа, потребовать от Голландии содействия для прикрытия левого фланга и совместно с бельгийскими силами двинуться к линии Сирк (Sierck)—Кобленц.

Бельгия, если ей пригрозить контрибуцией в несколько миллиардов, не окажет сопротивления. К тому же все ее укрепления построены против Германии и ни одного против Франции. Правда, ее нейтралитет гарантирован великими державами. Но из них—Россия является союзницей Франции, Англия находится с ней в соглашении, остается Австрия. Кто же вмешается? Вот каковы, в общем, заявления Ферстера. Эти сведения он получил от ф. Ганке; труд писался, вероятно, в 1911 г.

В этих нескольких строках обнажается германская душа: презрение к принципам, исповедываемым цивилизованными нациями, выражающееся вероломным нападением, недобросовестность в оценке роли бельгийских укреплений, построенных одинаково и против Франции и против Германии, и в особенности несоблюдение договора, своего слова, своей подписи, рассматриваемое только с точки зрения представляемого им риска.

И подполковник Ферстер заключает следующим образом: „Граф Шлиффен тщательно хранил план французских операций в своем рабочем столе. Он его сообщил только очень немногим доверенным лицам. Мы можем чувствовать себя счастливыми, что в 1914 г. французы на месте Жоффра не имели Шлиффена".

Никогда этот народ не будет иметь понятие о честности; никогда он не поймет, что можно руководствоваться понятиями морали.

Несомненно, для того, чтобы судить о немцах, мы должны забыть нашу французскую психологию, чтобы не рисковать ошибиться в большей части наших предположе-

ний. Но в действительности, можно ли предполагать, что они рассчитывали, что насилие над Бельгией произведет столь малое впечатление на мир?

Можно было предположить, что они всеми силами будут стремиться не дать англичанам повода для вмешательства. Таким образом, если, как говорит ген. Ланрезак, частичное нарушение неприкосновенности бельгийской территории не должно было повлечь за собой ни вооруженного сопротивления этой страны, ни немедленного вмешательства Англии, то, всяком случае, надеялись, что бельгийцы не вынесут бесчестья сдачи без сопротивления своих крепостей на Маасе. Чувствовалось, что так как взятие Льежа угрожает Антверпену, то англичане немедленно реагируют на это и что нужно было не менее этого, чтобы превозмочь их опасное колебание. Предполагалось, что немцы рассуждают таким же образом, и что они будут действовать сообразно этим предположениям. Вот в чем ошибка; ее нельзя отрицать. В этом, но только в этом, была неожиданность.

Что касается аргумента, основанного на трудности применения германских сил между Бельфором и Маасом, то он вовсе не так неоспорим, как кажется. Пространство между Швейцарией и Льежем не очень мало. И, если немцы были вынуждены, в таком случае, на фронтальную атаку какой-нибудь части этой линии, то значительное развитие их тяжелой артиллерии и небольшое сопротивление, которое могли оказать наши старые мааские и вогезские форты, позволяли предполагать, что это немцев не обеспокоит.

Взвесив все, можно предполагать, что только атака Льежа могла начать срывать маску.

Исполнение маневра.

Историю 1914 г. будет гораздо легче писать, чем историю 1870 г. В то время нам пришлось ждать около 30 лет, прежде чем прекрасные труды кардинала ф.-Видерна и полемика, вызванная статьями Фрица Генига пролили свет на то, что произошло в действительности с германской стороны. До этих пор мы основывали свои труды, как на евангелии, на истории войны, изданной германским большим генеральным штабом. В этом памятнике, воздвигнутом во славу германской армии, война величаво развивается без единой зацепки, без малейшего трения. Штабы—собрания полубогов—действуют с невозмутимым спокойствием. Генералы без страстей, без зависти, не волнуясь, каждый без фальшивых нот играет свою роль под палочкой великого дирижера оркестра, непогрешимого стратега, бога.

Все это было слишком красиво, слишком идеально. Немцы 1870 г. были людьми со всеми их слабостями. Они знали свои „критические дни“. Берега Мозеля видели бурные сцены между генералами, в которые должен был вмешаться старый король и один из трех командующих армиями, доблестный Штейнметц, герой 1866 г., „лев Находа“, вскоре нашел свой Лимож в Познани.

Ныне мы в лучшем положении. Годы, следовавшие непосредственно за великой войной, ознаменовались появлением огромного количества воспоминаний, имевших, по большей части, характер личных самооправданий, но в которых иногда проявлялась неоспоримая истина и в которых приводились приказы. Сверх того, в течение операций мы захватили достаточно документов, чтобы наши враги не могли создавать историю по своему усмотрению.

Взятие Льежа.

В противоположность другой легенде сопротивление Льежа ни на один день не задержало бешеного германского натиска. Этот факт ни в чем не умаляет ни героизма Бельгии, ни славы защитников этой крепости. Мы испытали такую же неудачу; Маноивиллер (Manonvillers), хотя и построенный согласно самых последних принципов, был сметен одним дуновением, и Мобеж не смог помешать развитию германского маневра.

Первая армия должна была вся пройти к северу от Льежа.

Ф.-Клук назначил днем начала движения 14 августа, когда должна была закончиться выгрузка его войсковых обозов. По приказу главной квартиры, он не ожидает окончания этой выгрузки и трогается 13, а не 18 августа, как писали некоторые наши историки. В своем труде „Der Marsch auf Paris und die Marneschlacht 1914“ ф.-Клук описывает нам захватывающую картину движения через Аахен в течение 13 августа и последующих дней. Вся первая армия, в 3-х колоннах по два корпуса каждая, катится тройным потоком к границе; впечатление от их разрушительной мощи огромно. Действительно, они все опустошат на своем пути, до тех пор, пока эта ужасная сила не угаснет в оврагах Урка и Малого Морена (Petit Morin).

Его авангарды достигают Мааса 14 числа. Последний форт, оборонявший с этой стороны переправу,—Понтисс (Pontisse), пал 13-го.

К югу от Льежа, в районе движения II армии, та же легкость операций. В своих трудах Клук и Бюлов сходятся

в признании, что форты Льежа ни в малейшей мере не задержали их движения. Операция была хорошо разработана.

Почему же произошла эта задержка, хотя и кажущаяся, которой приписывают столь важные последствия?

Мобилизация, сосредоточение, стратегическое развертывание на исходной германской базе требовали 13 дней. Это тот срок, на который рассчитывал французский генеральный штаб. Оно было абсолютно точно; мы видели, что ф.-Клук заявлял, что его выгрузка заканчивалась 14-го. Общее наступление не могло начаться раньше при полном наличии войсковых обозов, обозов и парков огнеприпасов; и можно судить, было ли это условие необходимым, в особенности для фланговых армий, имея в перспективе такой поход.

В течение этих 13 подготовительных дней могли, конечно, вестись операции местного характера, внезапные атаки с ограниченной целью. Мы долго опасались за Нанси. В Бельгии незадолго до войны, книга́ „Liège inviolée“, имевшая значительный успех, предвидела атаку Льежа в условиях, в которых она произошла в действительности.

Германцы посвятили ей 6 пехотных бригад, принадлежавших к 6 различным армейским корпусам—бригады, спешно мобилизованные, состава мирного времени, только несколько усиленные, пополненные людьми, призванными в период политического напряжения и лошадьми, взятыми из других частей. Каждый армейский корпус имел такую бригаду; эта мера мобилизационного плана нам была отлично известна. Из 6 бригад, взявших Льеж, некоторые закончили свою мобилизацию на месте, другие вернулись, чтобы получить свои пополнения в Германии, и имели еще достаточно времени, чтобы поспеть к общему выступлению.

Любой офицер генерального штаба нашел бы этому об'яснение. Что публика могла поверить в Льеж, задерживающий на 10 дней германский натиск, это вполне естественно. Но что специалисты военного дела через 7 лет после происшедших событий, после появления соответствующих документов, поддерживают эту легенду, это уже более странно. Так, весной 1921 г., один крупный военный критик писал еще, что сопротивление фортов Льежа заставило германский генеральный штаб потерять преимущество молниеносного наступления, которое он рассчитывал вести через Бельгию на левое крыло французских армий и, что благодаря этому, Клук, вместо того, чтобы быть в Брюсселе между 12 и 14 августа, вошел туда только 20-го. Этот критик прибавил позднее, что к этому больше нечего возвращаться и что это есть „История“ с большой буквы. По правде сказать, это

мнение не лишено апломба. Насколько я знаю, ни один германский писатель не выставляет сопротивление Льежа, как оказавшее влияние на неудачу маневра. Наоборот, мы видим, как Мольтке, пришедший в ужас при получении известия о сопротивлении Льежа, проясняется, когда узнает, что оно не будет иметь никакого влияния. Сам Клук нам говорит, что он должен был двинуться 14 числа, по окончании своей выгрузки, но он начинает движение 13-го, не ожидая окончания этой выгрузки, и вовсе не потому, что скорость его обозов могла быть увеличена мерами, принятыми до войны, но благодаря своевременному падению Льежа.

И мы повторяем, что этот факт ни в чем не умаляет ни славы защитников города, ни славы Бельгии. Нужно даже признать, что затруднения, созданные взрывом бельгийских железных дорог и вылазками бельгийских войск, запертых в Антверпене, как мы увидим дальше, сильно мешали продвижению германцев, их снабжению и прибытию подкреплений. Льеж, атакованный на второй день по открытии военных действий, продержался столько же, сколько и Мобеж, имевший около месяца на свою подготовку; это, конечно, к чести Льежа.

Пограничное сражение.

Льеж пал, препятствий больше нет; германская волна разливается по всей Бельгии; бельгийские войска отброшены в Антверпен, перед которым немцы оставляют 2 корпуса—III и IX резервные—очень подходящие для этой задачи.

Затем начинается пограничное сражение. Двигающееся германское крыло, I и II армии, завоевывает у англичан и генерала Ланрезака Самбру; III армия переходит через Маас в районе Динана; IV армия бьет армию де-Лангля-де-Кари в районе Семуа и отбрасывает ее к Маасу; V армия отбрасывает армию Рюффе из района Арлона на Верден; VI и VII армии останавливают армию Кастельно и Дюбайля у Моранжа и Саарбурга и заставляют их отступить: Кастельно—на высоты Нанси (le couronné de Nancy), Дюбайля—на Мортань (Mortagne). Но эти германские армии совершают грубую ошибку, они продолжают свое наступление. „Как могли настолько не доценить средств наших противников?“ писал, немного спустя, старый маршал Гезелер (Haeseler). „Как могли пытаться совершить прорыв между Тулем и Эпиналем, ведя одновременно операцию на правом фланге? Что сказал бы великий Мольтке? Что сказал бы Шлиффен?“

Таково было положение к 24 августа.

Движение к Марне.

До сих пор маневр развивался „согласно плана“. Будучи хорошо подготовленным, он удался; от Вогезов до Монса армии противника разбиты; казалось бы, остается только толкать, однако, как раз в этот момент начнутся затруднения—машина заскрипит, развинтится, затем треснет.

Действительно, безукоризненный орган изучения, каковым являлся германский большой генеральный штаб, сумел до малейших подробностей подготовить развитие операций до момента встречи с противником; но после этого начинается область неизвестного; воля противника вмешается и будет влиять на решение, которое необходимо принять. И хотя в виду того, что этот противник всюду разбит, задача, казалось, была легка, германское командование окажется не на высоте ее.

Сам Гинденбург заявляет об этом, отмечая среди причин рокового поражения на Марне „недостаточное вмешательство нашей главной квартиры в согласование движений наших армий“.

Для того, чтобы показать несостоятельность высшего командования, ничтожество наследника знаменитого имени, которое его давит, ошибки и раздоры между командующими армиями, нам нечего искать доказательств на всем протяжении фронта и во всем развитии операций; рамки этого труда были бы недостаточны. Мы ограничимся изучением действий командования только одной армии, Ш-ей, во время движения ее от Мааса к Марне, и в период критических дней сентября—I и II армий, самых важных и самых интересных.

Но прежде, чем перейти к этому изучению, скажем теперь же то, что мы разовьем в наших заключениях. В действительности, это Мольтке 1870 г., это его метод командования, его стратегия были разбиты в 1914 г. командованием противника, изучившим и понявшим историю.

ЧАСТЬ II.

Операции III армии от 18 августа до 4 сентября.

Сосредоточение и начало движения.

Мы выбрали III саксонскую армию, оперировавшую в центре, так как в Германии несколько раз пытались из нее сделать козла отпущения за поражение. Для этого изучения мы, главным образом, пользовались трудом саксонского генерала ф.-Баумгартена-Крузиуса „Die Marneschlacht 1914". Он содержит все необходимые официальные документы, и некоторые его страницы носят печать несомненной истины.

III армия состояла:

Из 3-х саксонских корпусов—XII, XIX, XII резервного и одной бригады ландвера.

XI корпус, вступивший в Бельгию вместе с этой армией, после участия во взятии Намюра, будет отозван 26 августа, для посылки в Россию.

Командир этой армии—саксонский генерал ф.-Гаузен.

Армия сосредоточивается в районе Прюма (Prüm), между II армией (ф.-Бюлова), которая была к северу в районе Мальмеди, и IV—(герцога Альбрехта Вюртембергского), на юге в районе Битбурга.

III армия не располагает никакой армейской конницей. Конный корпус генерала Рихтгофена, в составе 5-ой и гвардейской кавалерийской дивизий, будет действовать впереди фронта II и III армий; но этот корпус находится в подчинении у генерала ф.-Бюлова. III армия будет сильно страдать после перехода Мааса и на Марне от такого отсутствия армейской конницы.

III армия трогается только 18 августа, чтобы дать возможность армиям правого, двигающегося, крыла выиграть несколько переходов. В дальнейшем мы увидим, что это было поздновато. Возможно, что высшее командование, ускорившее на один день начало движения I армии, не позаботилось ускорить на столько же выступление III. Эта последняя должна перейти Маас между Намюром и Живе, не затрагивая этих крепостей.

Институт Красн. Профес
Инв. №

В это время I и II армии должны пройти со своими авангардами 20-го числа железнодорожную линию Брюссель—Намюр, чтобы затем завернуть к югу.

Все происходит так, как предполагалось. Несколько встреченных отрядов противника опрокинуты. Однако, начинается приближение к французским и английской армиям; на операцию, бывшую до сих пор односторонней, будет теперь влиять воля противника. Что же будет делать высшее германское командование?

Сражение при Шарлеруа—Динан.

(Смотри схему I).

20-го числа, немецкая главная квартира посылает следующие сведения:

„На Маасе, между Намюром и Живе, повидимому, имеется 3 французских корпуса. К югу от Самбры, между Намюром и Мобежем, противник двигается к северу. От одного до двух армейских корпусов должны прибыть в ближайший район Самбры между Намюром и Шарлеруа. К западу от линии Шарлеруа—Фюме три армейских корпуса и несколько резервных дивизий, повидимому, еще не достигли к 20 числу линии Филиппвиль—Авен (Avesnes)". Далее, главная квартира прибавляет: „Командующие II и III армиями должны сговориться, чтобы сочетать атаку II армии на противника, находящегося к западу от Намюра, с атакой III армии между Намюром и Живе".

Вот и все. Сражение при Шарлеруа, которое произойдет с 21 по 23 августа будет победой, но победой без р шительного результата; противник ускользнет.

Тогда, пишет ген. Баумгартен, „создается легенда". Говорят, что окружение англичан и французского левого крыла не удалось, вследствие опоздания III армии. Если не удалось добиться нового Седана, то это ее вина".

Совершенно верно, что германские писатели были такого мнения и что они хотели сделать ф.-Гаузена ответственным за поражение на Марне и за неудачу плана, из-за его первоначального запоздания, которое отразилось на всех последующих операциях.

„Однако, рассмотрим факты", продолжает Баумгартен.

„Своим приказом от 20 числа, полученным в 17 час. 30 м., высшее командование отказалось регулировать движение обеих армий и дать малейшее указание о направлении, в котором нужно было стремиться к решительному удару.

„По моему мнению, от II и III армий, следовало требовать

согласования их действий только после их ориентировки о боевых операциях, которые им надлежало совместно вести, и после того, как будут установлены разграничительные линии".

Это мнение ген. Баумгартена можно оспаривать. Мы увидим далее, что если бы Бюлов в достаточной мере ориентировал своего соседа, то указания главной квартиры, как бы общи они ни были, были бы достаточны. Но главная квартира, подчинившая с самого начала вступления в Бельгию Клука Бюлову, может быть поступила бы лучше, подчинив ему также Гаузена. Бюлов, держал бы таким образом, оба разветвления щипцов, у винта которых он находился. Это ясное подчинение было бы предпочтительнее, чем простой совет обоим командующим сговориться между собой. Однако, эта ошибка могла бы быть исправлена исполнителями.

Посмотрим, что делает Бюлов.

К концу вечера 20 числа, Гаузен поставил в известность Бюлова, что головы колонны III армии достигнут в этот же вечер линии километров в 15-ти от Мааса, к которому они подойдут 21 августа.

Но вот 4 сообщения, посланные Бюловым Гаузену утром 21 числа.

В 0 час. 40 мин.: „21 числа II армия двумя корпусами будет на Самбре. Быстрое прибытие главных сил III армии на Маас желательно".

В 8 час. 15 мин.: „II армия будет атаковать двумя корпусами на Самбре, между Намюром и Шарлеруа, сегодня в 11 час. утра, чтоб расчистить путь III армии".

В 9 час. 45 мин.: „сегодня я не буду атаковать".

Затем, в 14 час, 40 мин., в штабе III армии получается известие, привезенное одним офицером: „Я не буду сегодня атаковать двумя корпусами, прибывающими на Самбру. Я предпочитаю обождать окончания обходного движения, чтобы атаковать одновременно с I и II армиями. Я не знаю дня атаки. Это будет зависеть от сведений о противнике, которые я жду. Я вас буду осведомлять".

Теперь командующий III армии спокоен; он сможет вовремя придти на место встречи. 22 августа, в 3 ч. 50 мин. он получает следующую телеграмму от Бюлова: „атака II армии на Самбре произойдет 23 утром". Все к лучшему. III армия как-раз нуждалась в этой отсрочке. Ее XI корпус принимает участие в осаде Намюра. Его нужно заменить XII резервным, находящимся в тылу. Для занятия переправ через Маас 3-х корпусов не будет слишком много, так как, по сведениям главной квартиры, они удерживаются

3-мя неприятельскими корпусами между Намюром и Живе, как-раз находящимися в полосе движения армии. К тому же, XII резервный корпус уже утомлен, а инструкция главной квартиры „рекомендует беречь вначале резервные части". Как бы то ни было, ф.-Гаузен ускоряет движение своих корпусов, хот я и не настолько, чтобы мы поверили тому, что говорит один из наших писателей, заставляя их двигаться 25 часов в сутки: „22 августа XIX корпус двигается в продолжение 25 часов", писал он.

Наступает вечер 22 августа; с предыдущей ночи нет никаких известий о Бюлове; в 21 час ф.-Гаузен дает свой приказ для завтрашней атаки. Он его начинает следующими словами: „II армия атакует на Самбре 23-го". Генерал, подписав свой приказ, ложится спать с спокойной совестью, когда, в 23 часа 30 мин. прибывает от Бюлова офицер и заявляет, что II армия находится в движении к югу от Самбры и просит его двинуться вперед!

Что же произошло?

Произошло вот что: во-первых, II армия атаковала в 12 часов 21 августа своими двумя левофланговыми корпусами, гвардейским и X, которые ген. Ланрезак, лицо вполне осведомленное, нам указывает в своей уже упомянутой книге переходящими в двух пунктах Самбру, после 12 часов в этот же день в 10—13 клм. на восток от Шарлеруа и занимающими высоты к югу от этой реки; во-вторых, бой получил свое полное развитие 22-го; в-третьих, противник повсюду отброшен, и его можно будет продолжать теснить на следующий день с надеждой поколебать весь фронт, при чем III армия должна будет навалиться на его фланг.

Но произошло только маленькое недоразумение: Бюлов попросту забыл свое обещание осведомлять Гаузена. В своей телеграмме, в ночь с 21 на 22 (22 в 3 часа 50 мин.), в которой он подтверждает свое намерение, уже высказанное 21-го в 9 час. 45 мин., атаковать только 23-го, не упоминается ни одним словом об атаках и успехах после обеда 21 августа, хотя и очень важных. Может быть он сам не знал о них. Однако, в продолжение всего дня 22 числа от него также не было никаких известий. Первое извещение по радио получено от него только в 23 часа; оно содержит только просьбу к Гаузену продвинуться вперед, не упоминая ни о чем другом. Прибывший офицер подтверждает эту просьбу и дает дополнительные сведения в 23 часа 30 мин. Это оказалось несколько запоздалым.

Не принявшая участия ни в чем 21 и 22 августа, III армия должна необходимо наверстать потерянное время 23-го. Она перейдет Маас одним прыжком и бросится на

отступающую армию Ланрезака, разбитую и преследуемую II армией.

Однако, реку обороняет противник, которого считают сильнее, чем он есть на самом деле. Весь день 23 августа саксонские корпуса бесплодно стараются форсировать реку, и только к 23 часам это удается некоторым частям. Французские арьергарды хорошо выполнили задание.

Любопытно узнать причины этой неудачи, которые приводит ген. Баумгартен. Он обрушивается „на бесчисленное число вольных стрелков (francs tireurs) и на общую враждебность населения". По этому поводу официальное донесение III армии гласит так: „Такое запоздание в форсировании переправ Мааса должно быть приписано вмешательству совершенно неожиданного фактора—поголовному сопротивлению жителей всех населенных пунктов, заботливо организованных, с давних пор имеющих военную организацию".

Вот, что явилось предлогом динанских убийств! Крестьяне Маасской долины, подготовленные бельгийским генеральным штабом к защите своей долины! Это могло бы вызвать улыбку у сведущих людей, если бы это ни было так грустно. И эта гнусная клевета встречается еще в книгах, опубликованных в 1920 г. самыми высокими германскими военными авторитетами. Какая низость!

В то время, как его атаки разбивались у Мааса, и он чувствовал невозможность своевременного своего прибытия, ф.-Гаузен имел еще один источник беспокойств. В ночь с 22 на 23 ему стало известно, что его сосед слева, герцог Вюртембергский, должен был ввязаться у Семуа в бой с французской армией де-Лангля-де-Кари, перешедшего 21 августа в наступление. Эта атака доставляла ф.-Гаузену много беспокойств, так как он должен был вступить в узкий коридор между Живе и Намюром, чувствуя опасность на своем левом фланге. Правда, командующий IV армией предупредил его об оставлении своего правофлангового корпуса,—VIII,—в Боренге (Beauraing), в 11 клм. к востоку от Живе для обеспечения связи с II армией.

В сущности, этого было достаточно; но в течение утра 23 августа приходит приказ из главной квартиры, предписывающий Гаузену послать все имеющиеся у него свободные силы в помощь IV армии. Ему удается собрать отряд численностью до одной дивизии, с задачей перейти Маас где-нибудь к югу от Живе для обеспечения связи с IV армией.

Все это очень хорошо. Однако, в этой части Арденн, к востоку от Мааса, нет вовсе дорог. Этот отряд, двинувшийся приблизительно в 12 час. 23-го, вынужден пройти через

Боренг (Beauraing), где он смешивается с VIII корпусом, оставленным здесь, как уже упоминалось, для связи с III армией. Казалось бы, что начальник отряда, видя такое обеспечение фланга своей армии, мог бы, по крайней мере, испросить подтверждения данной ему задачи. Но ему дан приказ перейти Маас где-нибудь к югу от Живе, и он знает только это. Он бросается в лесистую местность, и этот несчастный отряд будет бродить 4 дня в лесах, без дорог, ежеминутно наталкиваясь, по его заявлению, на упорное сопротивление, чтобы, наконец, измотавшись, достигнуть 27 Ревена (Revin), в 25 клм. к югу от Живе, пункта, находящегося приблизительно у места его отправления. Здесь отряд не испытывает никакого затруднения в переходе Мааса, так как III армия уже давно прошла мимо Ревена по левому берегу.

Таким образом, единственное вмешательство главной квартиры в течение всех дней пограничного сражения, было неудачно.

Вернемся теперь к главным силам III армии, на Маасе, 23-го в полночь.

Генерал ф.-Гаузен, полагая, что II армия продвинулась более, чем она это сделала на самом деле, и не рассчитывая больше навалиться на фланг армии Ланрезака, решает двинуться в юго-западном направлении к Мариенбургу и Рокруа, о чем дает соответствующие приказы на 24-е, в 2 часа 30 минут.

Однако, в 4 часа, он получает телеграмму. от Бюлова. II армия, в течение дня 23 августа, смогла выиграть только небольшое пространство к югу от Самбры. Она опасается серьезного сопротивления и просит III армию двинуться на запад.

Фон-Гаузен смущен этой просьбой; исполнение ее поведет к слишком большому разрыву с IV армей; однако он покоряется. „Такой призыв, исходящий от столь опытного и славного начальника, каковым являлся командующий II армией“—говорит ген. ф.-Гаузен в своих воспоминаниях,—„не мог остаться без ответа. Бюлов не мог требовать помощи без крайней к тому необходимости, и это подтверждалось еще тем фактом, что он сам указывал на ее размер, не оставляя этого на мое усмотрение“. Во изменение ранее отданного приказа он предписывает двигаться на запад. В его распоряжении, к этому моменту, имеются только два корпуса; одна дивизия, 24 резервная, оставлена перед Живе; отряд, силой до дивизии, находится, как мы знаем, в лесах на правом берегу.

В 9 час. 45 мин., вследствие сведений, полученных от

воздушной разведки, указавшей ему на полное отступление Ланрезака, он возвращается к своему первому намерению и отменяет контр-приказ. Судите сами о происшедшей путанице.

Как бы то ни было, окружение не удалось, армия Ланрезака ускользнула.

Ген. Баумгартен приписывает эту неудачу исключительно генералу Мольтке. Он констатирует, что маневр под Шарлеруа не удался из-за того, что II армия атаковала на два дня раньше, чем это следовало, а III армия вначале была направлена слишком на север, в узкий коридор Намюр—Живе. Он заключает: „Только главная квартира должна была связать движение 3-х армий. Только ее вмешательство могло обеспечить успех. В данном случае, германское командование, всегда столь аккуратное, совершило упущение". И он добавляет: „Единственный виновник—это главная квартира; командующие II и III армиями не несут никакой ответственности".

В этом случае генерал заходит слишком далеко. Он хочет оправдать саксонскую армию, это единственный смысл его книги; весь его труд проникнут также полным восхищением перед Бюловым; эти чувства вводят его в заблуждение и делают его пристрастным. Нужно прибавить, что этот труд был написан после смерти Мольтке. Нельзя отрицать несогласованности действий обоих командующих армиями. Из самого труда генерала Баумгартена вытекало бы с очевидностью, что вся ошибка падает на Бюлова; мы уже видели это из цитированных официальных текстов. Но эти тексты, все ли они приведены? В своем рапорте, к тому же очень кратком, об операциях в начале войны „Mein Bericht zur Marneschlacht" Бюлов не обвиняет Гаузена; этот документ очень мало освещает их взаимоотношения.

Здесь мы не имеем претензии писать историю, но стараемся только внести свою лепту. Будущее точнее установит те ошибки, которые падают на высшего начальника и на его непосредственных подчиненных. Однако, мы достаточно знаем, чтобы заключить, что эта страница принесет мало славы высшему германскому командованию.

От Мааса к Марне.

III армия переходит Маас 24 августа. Только 27 ее авангарды достигают Сормонны, левого притока Мааса, впадающего в него у Мезьера, в 40 клм. выше Живе. 24-я резервная дивизия остается перед Мезьером.

Дважды, в первый раз 27-го днем, затем вечером в

20 час. 30 мин., IV армия, остановленная перед Седаном, призывает III на помощь. Генерал ф.-Гаузен готов идти на призыв, но почти в то же время, в 20 час. 35 мин., он получает из главной квартиры приказ, предписывающий ему двигаться на юго-восток. Он подчиняется и отдает соответствующие приказы на 28-е.

Но 28 утром вновь получается призыв IV армии. После этого ф.-Гаузен направляет в помощь IV армии отряд, составленный из 3-х батальонов, одного эскадрона и одной батареи. В 13 ч. 30 м., все того же числа, получается новый призыв о помощи от герцога Вюртембергского, требующего вмешательства целого армейского корпуса.

На такую настойчивую просьбу ф.-Гаузен решает откликнуться и в 18 час. 45 мин. предписывает на 29-е в 6 ч. двумя корпусами двинуться на юго-восток.

Вероятно, как раз к этому моменту он получил приведенный ниже буквально общий приказ от 28 числа, исходящий из главной квартиры и содержащий следующие важные предначертания:

II армия двинется на Париж по дороге Ла Фер—Лаон.

III армия двинется на Шато-Тьери по дороге Лаон—Гиньикур (Guignicourt).

IV армия двинется на Эпернэ (Epernay) через Реймс.

Двигаясь через Лаон—Гиньикур, в 5 килом. к западу от Нефшатель на Эне, Гаузен сильно уклонялся на запад. К тому же, он не был спокоен со стороны Ретеля. Если же он направится на призыв герцога Вюртембергского, ему придется совершенно свернуть с дороги и надолго оторваться от Бюлова.

Не зная, что предпринять, он отменяет свои приказы, данные в 18 час. 45 мин., и предписывает на 29-е собраться в 5 часов и ждать его приказаний.

29-го, успокоившись за западное и юго-западное направление и опасаясь оставить IV армию в трудном положении, он только в 12 ч. 30 м. возвращается к мысли, бывшей у него накануне в 18 ч. 45 мин., и начинает движение на юго-восток с XII и XIX корпусами, оставив только 23-ю резервную дивизию для прикрытия к югу от леса Синьи-л'Аббэи (Signy l'Abbaye), приблизительно в направлении на Нефшатель (Neufchâtel), влево от линии, указанной ему приказом.

В то время, как он спешит на помощь IV армии, чтобы наверстать потерянное время, в 16 час. получается радио из II армии. Эта последняя подверглась сильной французской атаке около Гиза (Guise); она взывает о помощи и требует вмешательства III армии в направлении на Вервен (Vervins).

Вервен! В 40 клм. от ближайшей к нему 23 резервной дивизии, в 50 клм. от XII корпуса! Положение пиковое!

Задерганный со всех сторон, не зная к кому броситься, Гаузен, считая, по его заявлению, IV армию в наиболее угрожаемом положении, но скорее всего не желая давать нового контр-приказа и чувствуя, что он слишком далек от Бюлова, продолжает свое движение на юго-восток. Но вот в 18 час. приходят одна за другой 3 телеграммы из IV армии, сообщающие об отступлении противника к югу, что делает ненужным помощь III армии.

И на этот раз, вздыхает ген. Баумгартен, от III армии опять ускользнула возможность пожать плоды своих усилий. Одновременно, прибавляет он, армия Ланрезака, отброшенная II армией, избежала охвата ее III армией. „Еще лишний раз,—заключает ген. Баумгартен,—изучая операции против IV французской армии, можно убедиться, что создание органа высшего руководства, хотя бы командования группой армий, дало бы другие результаты. Само упорство французского сопротивления создавало благоприятные условия для окружения... Все французские армии могли отойти в избранном ими направлении, а их сильные арьергарды искусно оборонялись на каждом рубеже.

„В течение всего этого периода, с 25 по 30 августа, III армия, призываемая на помощь обоими своими соседями, не знала к кому направиться, что предпринять, в обстановке, которая могла быть оценена только высшей инстанцией, имеющей понятие об общем положении. Отсутствие конницы создало большие затруднения для III армии".

Действительно, I конный корпус был со II армией, а впереди III-й не было никакой конницы.

К 30-му августа III армия подошла к р. Эн, центром в Ретеле. В 23 часа главная квартира приказывает двинуться к югу, сообщая, что левый фланг II армии направляется на Реймс.

Как известно, согласно приказа от 28, Реймс был осью движения IV армии. Таким образом, движение отклонялось на восток, приблизительно на полтора фронта армии. Мы увидим причины этого отклонения, резюмируя операции I и II армии в конце августа.

31 августа армия форсирует реку Эн.

Операция была очень тяжелой, говорит Баумгартен: „уже в течение двух дней, войска сражались при страшной жаре, по обеим сторонам Ретеля. Левофланговый XIX корпус не только не выиграл пространства к северу от Аттиньи, Семюи (Semuy), но даже с трудом удержался против

неприятельских контр-атак. Соседний VIII корпус VI армии, хотя и не был связан неприятелем, однако, отказал в своем содействии".

Генерал Гаузен жалуется в своей книге, „что просьба о содействии, обращенная несколько раз к IV армии III-й, в частности 31 августа и 1 сентября, была удовлетворена с оговорками". И эти оговорки были равносильны грубому отказу.

Ф.-Гаузен рассчитывал 1 сентября дать отдых своим войскам и привести их в порядок, что являлось необходимым после зигзагообразных переходов предыдущих дней; но в 18 час. 12 мин. телеграмма из главной квартиры приказывает ему продолжать движение „без замедления, не принимая во внимание никаких других соображений". Можно подумать, что главная квартира, давая этот приказ, точно придиралась к III армии, если принять во внимание, что II армия справа была на один переход сзади ее, а IV армия также еще не поравнялась с ней. Впрочем возможно, что этот приказ был следствием бешеного движения вперед ф.-Клука на крайнем правом фланге; главная квартира, обеспокоенная этим, и не смея или не будучи в состоянии сдержать такую стремительность, торопила остальных.

Таким образом, движение продолжается 1 и 2 сентября к Шалонскому лагерю. Так как главная квартира не указала разграничительных линий, то III армия попадает в колонны IV армии и должна сжаться к западу; переходы очень трудны. Каждый действует на свой страх и риск.

Два инцидента доказывают это.

После падения Живе, взятого 31 августа в 11 часов, освободившаяся 24 резервная дивизия получила приказ от командующего армией взять форт Гирсон (Hirson), находившийся в районе армии. Это было решено по уговору с главной квартирой командующим II армией. Однако, 24 резервная дивизия нашла этот форт занятым войсками последней. Командующий III армией не был даже поставлен об этом в известность.

В этом особой беды не было, но в Реймсе обе армии обстреляли друг друга артиллерийским огнем.

Мы видели, что приказом от 30 августа на этот город должен был быть направлен левый фланг II армии.

Но Реймс рассматривали как крепость; Гаузен полагал, что Бюлов обойдет его с запада и, на всякий случай, он хотел попытаться захватить его с востока. Он поручает эту

операцию 3-го вечером 23 резервной дивизии. Эта дивизия вступает в город без затруднений 4 утром, располагается там и оставляет, в качестве гарнизона, один баталион. В 12 часов 2 гвардейская дивизия открывает огонь по городу.

Баумгартен опять-таки сваливает вину на главную квартиру, не указавшую в чьем районе движения находится эта крепость. В этом случае, он как-будто бы опять несколько пристрастен.

Эти инциденты, конечно, не имеют большого значения, но они все же указывают на какой-то недостаток в командовании и во взаимодействии армий.

Здесь вмешивается один анекдотический факт, который мы изложим в виду тех последствий, какие он имел, или для которых он послужил предлогом.

Вечером 3 сентября, штаб III армии располагается в замке Тюньи (Thugny) юго-восточнее Ретеля. Это было его несчастьем. Этот замок служил французам для госпиталя. Все штабные офицеры во главе с командующим схватили в нем дизентерию. „Это заставило генерала ф.-Гаузена сложить с себя на 13 сентября командование", повествует его поклонник. По общему-же мнению он был просто отстранен от должности—неприятность, которая через несколько дней постигла Мольтке.

4 сентября, III армия достигает Марны у Шалона. Войска истощены маршами, контр-маршами и особенно, как нам говорит Баумгартен, „боями, перенесенными при занятии каждой неровности местности, защищенной арьергардами, которые поддерживались замечательно искусной артиллерией".

Такое же мнение о французской артиллерии высказывает ф.-Клук; он считает ее гораздо выше немецкой. Это свойственно человеку; со стороны французов высказывалось иногда подобное-же мнение в противоположном смысле; конечно, обычно страдают от огня противника, а о действительности своего огня судить не всегда возможно.

Здесь снова, как на Эне, Гаузен рассчитывает дать своим войскам отдых на 24 часа и приказывает дневку на 5 число. Но главная квартира неумолимо телеграфирует: „завтра 5 числа направляйтесь на Труа (Troyes) и Вандевр (Wandoeuvre)".

Итак, нужно двигаться и двигаться, и снова двигаться.

Наступает 5 сентября, первый критический день. Скоро падет гром на императорского орла. Чтобы лучше су-

дить о произведенном им впечатлении, перенесемся туда, где этот гром ударит прежде всего—на правое германское крыло.

На этом повороте истории генерал Баумгартен, в своем труде 1921 года, проводит параллель между обоими командованиями противников. „В то время, как беспрерывные успехи возлагали все новые лавры на голову германской главной квартиры, она с каждым днем находила свою задачу все более тяжелой. Жоффр, наоборот, возвеличивался в поражении. Его хладнокровие и уверенность с каждым днем увеличивались. В то время, как Мольтке не мог оставить без гарнизона ни малейшего пограничного пункта, Жоффр, не колеблясь, соглашался на любую необходимую территориальную жертву, уверенный в стране, переносящей это с примерным стоицизмом. Однако, в связи с угрозой Парижу на него сыпались самые различные предложения, надоедавшие ему; он оставался непоколебимым. Наоборот, когда он решился на сражение, он не дал себя поколебать предложением начальника штаба, советовавшего продолжать отступление к Сене: он присоединился к предложению Галлиени. Он взял на себя всю ответственность; вся заслуга за это должна быть приписана только ему; этим он обеспечил спасение Франции“.

ЧАСТЬ III.

I и II армии с 28 августа по 15 сентября.

К 28 августа, исключая силы, оставшиеся в Бельгии, боевой состав I и II армий был следующий:

I армия (ф.-Клук).—Корпуса: II, III, IV, IX, IV резервный (без одной бригады, оставленной в Брюсселе); II конный корпус (ф.-Марвиц), составленный из 3 дивизий—2, 4, 9.

II армия (ф.-Бюлов).—Корпуса: гвардейский, X, X резервный, VII (VII резервный остался перед Мобежем), 1 конный корпус (ф.-Рихтгофен), составленный из 2 дивизий, 5 и гвардейской.

В теории, I конный корпус должен был прикрывать фронты II и III армий, на деле же, в критические дни, он весь был со II армией и даже на ее правом фланге.

Обе армии вступили в Бельгию 14 августа. В походе они находятся с 13. I армия, на крайнем правом фланге, идет из Аахена, переходит Маас к северу от Льежа, проходит через Брюссель, Монс, Камбре. Она дралась против бельгийцев, затем против англичан, которых преследует от Монса.

На ее левом фланге II армия прошла к югу от Льежа, нигде не испытывая сопротивления бельгийцев, она перешла Маас между Льежем и Намюром; дралась на Самбре против французов, за которыми следует от Шарлеруа.

Преследование.

После сражения у Монса—Шарлеруа, правофланговые армии, преследуя англичан и французов, достигли к вечеру 28 августа: I армия района Перонна, II—района Сен-Кантена и Гиза.

Обе армии, с момента вступления в Бельгию, были подчинены командующему II армией. 27 августа главная квартира отменила подчинение Клука Бюлову. Мера была не из осторожных; в скором времени немцы в этом убеди-

лись. В своем донесении Бюлов следующим образом выражается по этому поводу: „этой мерой связь между двумя правофланговыми армиями была сильно расшатана. Она уже одно время пошатнулась из-за того, что III армия, 27 августа, пожелала отделиться от II и податься к югу от Мезьера". Мы уже видели, что генерал ф.-Гаузен решился направиться туда, после долгих колебаний и настойчивых просьб герцога Вюртембергского.

В ночь с 28 на 29 из общей главной квартиры армиям приходит приказ: [1]) „Общие указания для дальнейших операций: на Эне ожидается сопротивление англо-французских сил, левый фланг которых продвинут к Сен-Кантену, ла-Фер, Лаону, затем, впоследствии на Марне, с левым флангом, опертым на Париж. Возможно сосредоточение новых сил в нижнем течении Сены. Германские армии должны без замедления итти на Париж, чтобы не дать французам передышки и помешать новым формированиям.

„Поэтому I армия, со II конным корпусом двинется на запад от Уазы к нижнему течению Сены. Она должна быть готова оказать помощь II армии.

„Она должна, сверх того, обеспечить фланкирование армий и помешать новым формированиям в районе своих операций.

„II армия, с I конным корпусом, двинется по дороге ла-Фер—Лаон, на Париж. На нее возлагается обложение и взятие Мобежа и, позднее, Ла-Фера, так же как и Лаона, совместно с III армией.

„III армия двинется на Шато-Тьери, через Лаон, Гиньикур; I конный корпус будет освещать фронт впереди II и III армий.

„IV армия двинется на Реймс через Эперне.

„V армия—на Шалон и Витри-ле-Франсуа.

„Все армии должны оказывать друг другу поддержку при взятии различных рубежей. Сильное сопротивление на Эне и позднее на Марне может вызвать необходимость в изменении движения армий с юго-западного направления на юг".

Это является выполнением шлиффеновского плана 1905 года при отсутствии на правом фланге необходимых средств.

Что же говорит Клук в своем труде об этом приказе, в котором мы подчеркнули места, особенно касающиеся его

[1]) Этот приказ, датированный от 27, командующие армиями называют иногда „приказом от 28", вероятно потому, что они его получили 28-го.

армии? Сначала послушаем его по вопросу обеспечения фланкирования общего движения: „Ошибочно было отнимать 2 корпуса у двигающегося крыла. Нужно было взять 2 корпуса из Лотарингской армии, чтобы прикрыть наш правый фланг". Это верно; однако, можно опасаться, что это рассуждение служит только для самооправдания, так как из последующих событий ясно видно, что вопрос фланкирования занимает у Клука самое незначительное место в течение последующих дней. Он добавлял дальше: „Приказ главной квартиры был, к сожалению, нем относительно общего положения". Позже, из этой фразы он состряпает себе оправдание, говоря: „если бы я знал, что в других местах дела обстояли не лучше, я не был бы так дерзок". Но в этот момент он мало останавливается на эти соображениях; он думает только о преследовании, и с этих пор у него рождаетля мысль, приведшая его в пропасть: „Этот приказ вынуждал продолжать движение на запад. Это было противно моему мнению; я хотел двигаться на юг. К счастью, этот приказ не исключал возможности избрать это направление, если того потребует общая обстановка".

Клук, казалось, никогда не знал плана Шлиффена; вскоре он находит основание для проведения своей мысли в дело, и это основание дает ему Бюлов. II армия была атакована у Сен-Кантена и Гиза днем 29-го. С 30 августа, Клук направляет ось своего движения на Нуайон (Noyon). В тот же день 17 час. 55 мин., по его заявлению, приходит от Бюлова радио, гласящее: „Противник разбит и отступает на ла-Фер. Англичане отходят западнее Ла-Фера на юг и юго-восток. II армия должна отдохнуть 31 и будет только обстреливать форты ла-Фера. Чтобы довершить успех, желательно заход I армии вокруг Шони, на Ла-Фер—Лаон".

Бюлов нигде не упоминает об этой, якобы посланной им телеграмме. Она составлена в удивительных выражениях. Если Бюлов хотел окружить французов и англичан, заставляя Клука произвести это захождение, то естественным последствием этого должно было быть энергичное действие с его стороны, чтобы возможно дольше задержать и приковать противника; однако, II армия должна отдыхать 31-го. Бюлов же утверждал, что Клук телеграфировал ему 30-го в 9 час. 15 м., что он идет на Уазу, от Компьеня на Шони. „Такое движение было для меня удобным, говорит Бюлов, но я рассматривал его только как скоропроходящую тактическую помощь, а вовсе не как полное разрушение плана операции".

Однако, нужно было поставить в известность главную квартиру; Клук доносит 30-го вечером о своем движении на

Компьень—Шони: „I армия поворачивает к Уазе и двигается 31-го на Нуайон — Компьень". 31-го утром главная квартира телеграфирует: „Движение, намеченное I армией, отвечает видам общей главной квартиры". Все было к лучшему. Однако, Бюлов замечает, что, давая этот приказ, отказывались от движения на юго-запад, что могло быть об'яснено только полной неосведомленностью главной квартиры о грозе, собиравшейся на западе.

Мы уже видели, говоря о III армии, что главная квартира изменяла этим направление всех армий, указанное приказом 28-го, и ее телеграмма 30-го вечером смещала это направление на полтора фронта армий к востоку. Поэтому Клук переходит Уазу почти со всей своей армией, и к вечеру 1 сентября линия, занятая 4 армиями двигающегося крыла, представляется в следующем виде:

I армия: Лианкур (IV резервный корпус), югу от Вербери (II корпус), к северу от Крепи-ан-Валлуа (IV), Виллер-Коттере (III), Лонгпон (IX).

II армия: Анизи-ле-Шато, к северу от Лаона, Сиссон, штаб в Ла-Ферте-Шевресси.

III армия: Таньон, к югу от Жюнивилля, Машю, штаб в Синьи-л'Аббэи (Signy-l'Abbaye).

IV армия: Вузье, Ла-Круа-о-Буа, Бюзанси.

Таким образом, I армия была на большой переход впереди II, что является плохим условием для фланкирования.

Все армии двигаются в боевом порядке, имея все корпуса в 1 линии даже тогда, когда пространство сильно суживается или местность становится труднопроходимой, как это было в IV армии.

Полный стремления вперед и надеясь разбить англичан, которых он рассчитывает настигнуть в районе Ферте-Милон, Клук 2 сентября продолжает свое продвижение, хотя и знает, как упоминает в своем приказе 1 сентября, что II армия, вероятно, днем 2-го числа достигнет Суассона.

Узнав, что англичане ускользнули за Марну, он решает нагнать французов, отступающих перед II армией у Шато-Тьери и Дормана. 2 числа в 21 ч. 45 м., он дает соответственно этому решению приказ на 3 сентября. IX корпус должен будет достигнуть Шато-Тьери, III—Монтрей-о-Льона „для атаки противника во фланг". Остальные корпуса направятся: IV до Теруана, II к Нантей-ле-Одуэн, IV резервный к Сенлису и Крей (Creil). Что касается конного корпуса Марвица, „он останется на правом фланге, освещая местност севернее и северо-восточнее Парижа и Мар-

ну ниже Парижа, а также правый берег Уазы в районе Бове-Понтуаз.

Как мы далеки от диспозиции, предписанной главной квартирой, 28 августа. Вместо того, чтобы итти на запад от Уазы к нижнему течению Сены, I армия направляется на Шато-Тьери, являющемуся, согласно приказа от 28, об'ектом действий III армии. Правда, в ночь с 30 на 31 главная квартира одобрила движение Клука на линию Компьень-Шони, заявив, что „оно отвечает ее видам", но каковы же эти виды? Целых 3 дня ожидают их об'яснения.

Только 2 сентября в полночь главная квартира, наконец, выходит из состояния летаргии и рассылает из Люксембурга, куда она только-что прибыла из Кобленца, следующий приказ: „Главнокомандующий имеет намерение отрезать французов от Парижа, отбросив их к юго-востоку от столицы. I армия пойдет уступом за II. На нее возлагается задача, кроме того, прикрыть фланг армии. Желательно, чтобы конница I армии появилась перед Парижем и разрушила все ведущие к нему железнодорожные пути".

Этот приказ является отказом от плана Шлиффена— обойти Париж. При настоящем распределении сил его уже нельзя было осуществить.

Всякий другой на месте Клука, получив приказ, сказал бы себе: я должен прикрывать фланг армий, следуя уступом за II; но я нахожусь впереди ее на большой переход, следовательно, я остановлюсь, по крайней мере, на 24 часа, чтобы занять предписанное мне по общей диспозиции место.

Сделать такое предположение, это значит плохо знать Клука. Вот кстати, каковы были его размышления: „Отбросить французов в юго-восточном направлении, отодвинуть их от Парижа, — вызовет необходимость перехода Марны и Сены; это казалось мне предприятием трудным и рискованным. Необходимо было много времени, чтобы достигнуть решительного успеха".

Этим Клук хочет нас заставить поверить, что он предпримет свое наступательное движение к югу от Марны против своей воли.

„Необходимо было бы иметь на моем правом фланге, добавляет он, группу в 4—5 дивизий, чтобы прикрыть со стороны Парижа фланг моей армии и коммуникации I и II армий. Главная квартира вероятно была уверена, что Парижский гарнизон неспособен действовать наступательно, вне фортов. Но французы могли собрать большие силы в Париже и предпринять с этой базы мощное наступление.

Казалось, что подобная возможность не беспокоила главную квартиру; эта уверенность была, вероятно, внушена имевшимися у нее сведениями".

Это—чисто германская недобросовестность. Главная квартира настолько опасается возможностей, указанных Клуком, что она как раз ему и поручила противодействовать им всей своей армией, поставив ее уступом.

„На 3 сентября, продолжает он, IX и III корпусам была поставлена задача, которая вполне соответствовала первой фразе приказа главной квартиры. Они должны были перейти Марну. Остальная часть армии растягивалась от Сенлиса к Урку. II армия была на один переход сзади. Если бы я остановился на 2 дня, чтобы осуществить предписанное уступное расположение, то уже невозможно было бы отбросить противника к юго-востоку. Только моя армия была в состоянии, при создавшемся положении, произвести надлежащий эффект; она одна имела возможность давить на пути неприятельского отступления. Если она станет ожидать два дня, то противник вновь получит свободу движения. Большой успех, на который рассчитывает главная квартира и который она считает возможным, не может быть достигнут, если я остановлюсь. Таким образом, я действую согласно ее желанию, двигаясь за Марну".

Перед такими софизмами кажется, что грезишь!

„Что касается охраны фланга, продолжает Клук, я обеспечиваю его IV резерным корпусом (как известно, он 3-бригадного состава) и одной кавалерийской дивизией, оставленной в райне Санлиса. II корпус и две другие дивизии конного корпуса находятся в Нантей-ле-Одуэн. Штаб армии в Ферте-Милон на одинаковом расстоянии от этих приблизительно равных групп". IV корпус находится в Круи-на-Урке (Crouy-sur-Ourcq).

Несмотря на выставленные аргументы, Клук словно неуверен в их убедительности, так как он добавляет, как бы с досадой: „к тому же, я ничего не знал об общей обстановке. Не было почти никаких сношений с главной квартиры". Поэтому то и надо было еще точнее выполнять ее директивы.

„В штабе мы не сомневались, что в случае дальнейшего продвижения армии нам нужны будут два лишних армейских корпуса для обеспечения фланга".

В таком случае, зачем же было продвигаться, раз ему, в сущности, приказывают остановиться на 2 дня со всей своей армией? Только это его и касалось в приказе от

2 сентября. Здесь чувствуется рассуждение задним числом; и оно никого не убедит.

Как бы то ни было, но Клук ни в чем не изменяет своего приказа на 3 сентября. Кто был удивлен этим приказом, так это Бюлов. II армия прибыла к р. Эн, на высоте Суассона, все время в соприкосновении с неприятельскими арьергардами; она без боя заняла Лаон и форт Конде и подготовила атаку Реймса: 3 сентября, она рассчитывала продолжать свое движение к югу. Бюлов ничего не понимает в приказе Клука: „I армия, вместо того, чтобы стать уступом за II, приняла свое направление гораздо юго восточнее. Его левофланговый корпус, IX, стал прямо перед моим правофланговым, VII; это было очень стеснительно. Я был оттеснен на скверное направление, и это способствовало увеличению прорыва, образовавшегося позднее между обеими армиями".

Но вот, что уже серьезнее и что доказывает недобросовестность Клука. Все эти размышления, появившиеся у него, якобы, в ночь с 2 на 3 сентября, указывают на какое-то сомнение. Что он не изменяет своих приказов на 3-е, это еще можно допустить, с натяжкой; это будет только запозданием на один день в осуществлении предписанного расположения. Однако, он должен был бы, по крайней мере, осведомить главную квартиру о своих сомнениях. Но он ей ничего не сообщает; ничего также в течение дня 3 сентября; и только вечером, дав свой приказ на 4-е, посылавший его армии далеко к югу от Марны, даже южнее Малого Морена (Petit-Morin), он шлет в главную квартиру следующее донесение: „I армия, сегодня, переходит Марну. Имеются частичные признаки деморализации противника. Мои передовые части перешли Марну на линии Ферте-су-Жуарр, Шато-Тьерри. Французы заходят вокруг своего правого крыла (к юго-востоку). Англичане находятся к северу от Куломье. I армия, завтра продолжает свое движение вперед от Марны через Ребе, Монмирай".

Вот, в действительности, приказ, данный Клуком на 4-е: „I армия продолжает завтра свое движение за Марну, чтобы отбросить французов к востоку. IX корпус к Монмираю; III—на Монтоливэ, Сен-Бартелеми (6 клм. к югу от Малого Морена); IV—на Ребе. II корпус перейдет Марну у Ферте-су-Жуарр, прикрываясь со стороны Парижа. IV резервный корпус остается у Нантей-ле-Одуэн, прикрывая парижское направление и оставаясь готовым 5 сентября присоединиться к общему движению правого крыла. Конный корпус двинется двумя дивизиями на Ферте-су-Жуарр, оставив с IV резервным корпусом одну кав. дивизию".

Клук, ни в коем случае, положа руку на сердце, не может думать, что выполняет приказ главной квартиры от 2 сентября в полночь. В этот момент он рассчитывает втянуть в общее движение даже IV резервный корпус, единственную фланкирующую часть, которую он согласился оставить к северу от Марны.

Предписанное на 4-е движение исполняется; 4-го вечером, приказ на 5-е продолжает двигать к югу все корпуса I армии, втянутые в бесконечное преследование. Клук до того чувствует свое неповиновение, что прежде чем воспроизвести его в своем труде, он испытывает необходимость повторить: „...имея в виду добросовестно выполнить предписание главной квартиры—отбросить противника на юго-восток, отодвигая его от Парижа".

Когда видишь последствия этого нарушения дисциплины и подумаешь, что Клук сохранит командование еще около года после этого, можно заключить, что армия, в которой царило такое попустительство по отношению к некоторым старшим начальникам, и в которой высшее командование проявляло такую слабость, не могла победить.

Вот он, приказ на 5-е, который будет последним для бешеного натиска: „4 сентября в 21 час. 30 мин. IX корпус отбросил к Монмираю противника, отступающего на Эстерне; он будет продолжать завтра движение в этом направлении... III корпус двинется на Санси (10 клм. к юго-востоку от Ла-Ферте-Гоше, на Большом Морене); IV—на Шуази (5 клм. к югу от Б. Морена); II—на Большом Морене, выше Куломье, прикрывая армии со стороны восточного парижского фронта. IV резервный с 4-й кавалерийской дивизией перейдет Нантей-ле-Одуэн на Марсильи и Шамбри, (к северу от Мо), прикрываясь к северу от Марны, против северо-западного парижского фронта. II конный корпус передвинется к западу от IV корпуса в направлении на Провен. Задачей его будет, вероятно, захватить французов врасплох при переходе ими Сены. Штаб армии будет 5-го в 20 ч. в Ребе". Ребе! между обоими Моренами.

Любопытно сравнить текст этого приказа с донесением, посланным о нем Клуком в 23 часа 30 мин., в главную квартиру: „Левое крыло I армии отбросило противника на Монмирай. В районе Куломье англичане как-будто бы двигаются к югу и юго-западу. 5 сентября армия будет двигаться вперед, атакуя противника всюду, где она его встретит. IX корпус на Эстерне, III—на Санси, IV—на Шуази, V—на Куломье, IV резервный—к востоку от Мо. 2-й егерский батальон и 4-я кавалерийская дивизия прикроют пра-

вый фланг. II конный корпус со 2-й и 9-й кавалерийскими дивизиями двинутся на Провен".

Клук до того забыл свою главную задачу, возложенную на него главной квартирой—охрану фланга, что в своем донесении он говорит об обеспечении его только одним егерским батальоном и кавалерийской дивизией, хотя в своем приказе, он намечает для этой задачи два армейских корпуса, один к югу от Марны, другой—очень немного к северу.

Тем не менее, Клук превзошел меру того, что могла перенести главная квартира. Мы уже видели, что благодаря его предусмотрительному молчанию в течение всего дня 3 сентября, и благодаря его нежеланию сознаться, что он решил считаться с полученными инструкциями только после отдачи приказа о преследовании на 4 сентября, главная квартира была поставлена в известность об этом только в ночь с 3-го на 4-е. Казалось бы, что в этот момент короткая и точная телеграмма должна была предписать Клуку прекратить продвижение, неосторожность которого главная квартира оценивала в полной мере. Но, повидимому, с Клуком опасно было связываться, или он был в слишком большом фаворе при дворе. Казалось, что Мольтке не был уверен в своем над ним авторитите и не смел осадить его. Только 4-го в 19 час., может быть потому так поздно, что Мольтке хотел дождаться приезда императора, он посылает телеграмму со следующим приказом: „Его величество приказывает: I и II армии остановятся лицом к восточному фронту Парижа, чтобы активно противодействовать атакам, идущим от Парижа. I армия—между Уазой и Марной, удерживая переправы на Марне к западу от Шато Тьерри... II армия остановится между Марной и Сеной, удерживая переправы на Сене между Ножаном и Мери. Левое крыло II армии двинется через Вертю и Фер-Шампенуаз на Мери. III армия продвинется на Труа, Вандевр".

Главная квартира посылает к Клуку подполковника Хенча с подтверждением этого приказа, которому были предпосланы следующие соображения: „Противник ускользнул от охватывающей атаки I и II армий и продолжает оставаться в связи с Парижем. Различные донесения указывают на перевозку на запад войск из района Туля и Бельфора; противник также снимает силы перед фронтом наших III и IV армий. Оттеснение масс французских армий к швейцарской границе, в юго-восточном направлении, более невозможно. Нужно допустить, что противник, для обеспечения столицы и угрозы правому германскому флангу, сосредоточивает в районе Парижа большие силы. Вслед-

ствие чего его величество приказывает...“ (следует изложенный выше приказ).

При своем знании общей обстановки и понимании всей угрожавшей опасности главная квартира виновата в том, что терпела независимость Клука. За эту слабость она должна была расплатиться в тот же день.

Подполковник Хенч прибыл в штаб I армии только 5-го после полудня. Телеграфный приказ от 4 сентября 19 час. был получен только утром в 7 часов 15 мин. уже после того, как был дан приказ о преследовании на 5-е число.

Что же думает Клук об этих предписаниях главной квартиры?

„Оставаться между Уазой и Марной!“, но его уже там давно нет; к северу от Марны остался только IV резервный корпус, да и тот совсем близко от Мо, „готовый присоединиться к общему движению“, предписывает ему приказ 3 сентября вечером, отвлекая таким образом, все его внимание к югу. „Удерживать переправы на Марне к западу от Шато-Тьерри“, и это в то время, когда неприятель бежит к югу. Если он ограничится только этой задачей, то II армии, которая должна одновременно „оперировать против восточного парижского фронта, между Марной и Сеной и удерживать переправы у Сены от Ножана до Мери“, слишком трудно будет выполнить эту двойную роль.

В своем труде Клук поверяет нам впечатление, произведенное на него получением этого смутившего его приказа: „Неизвестно в какой мере этот приказ соответствовал моим замечаниям, сделанным накануне (частичные признаки деморализации... Французы выполняют вращательное движение вокруг своего восточного крыла). Этот приказ пришел очень поздно. Предписанное I армии наступление (?) для оттеснения противника к юго-востоку, отрезая его от Парижа, могло удасться только в том случае, если центральная служба разведки могла гарантировать, что никакая угроза не появится со стороны Парижа. В настоящее время армия, перешедшая Марну 3 сентября, подходила к Сене. Исполнение приказа главной квартиры повлекло бы за собой необходимость оторваться от противника и 2-х, 3-х-дневное движение назад. Правда, неприятель понес потери, но он не расстроен. Если его оставить, он быстро оправится. До того, как указанные силы, собирающиеся у Парижа, будут достаточно сильны, мы успеем довести до благоприятного конца наше наступление на Сену“.

Эта последняя фраза показывает, что Клук настаивал на проведении своей идеи не только после получения

приказа, как-будто не содержащего достаточных об'яснений об опасности, грозящей со стороны Парижа, но даже после прибытия Хенча, раз'яснения которого должны были бы его обеспокоить. Какое ослепление!

Как бы то ни было, Клук не изменяет своего приказа для преследования на 5 сентября и 5-го утром, в 10 час. 5 мин., он шлет в главную квартиру следующее донесение: „Во исполнение предыдущих приказов главной квартиры (?), I армия продвигается к Сене через Ребе, Монмирай. Два армейских корпуса прикрывают парижское направление по обоим берегам Марны. Противник до сих пор отброшен, но не выведен из строя. Его отступление ведется на Ножан. Около Куломье мы ведем бой приблизительно с 3-мя английскими дивизиями; у Монмирай—с левым французским крылом. Французы своими арьергардами оказывают сильное сопротивление. Преследование их до Сены нанесет им значительные потери. Сосредоточение значительных сил у Парижа вполне вероятно. Части оперирующих армий могут быть переброшены туда. Но все это потребует много времени. Я считаю очень неудобным упускать еще вполне боеспособную армию противника и вносить, в такой момент, беспорядок в действия I и II армий. Я предлагаю преследовать противника до Сены и только после этого осуществить обложение Парижа. Если осуществить это обложение сейчас, как Вы приказываете, то противник остается свободным в своем движении на Труа". И он действует, как говорит, не ожидая ответа.

Несчастный генерал Мольтке может быть и не был очень искусен, но у него были довольно странные подчиненные.

В виде единственного удовлетворения предписаниям главной квартиры. Клук, вероятно опасаясь, чтобы его конный корпус не ускользнул от него вперед так же, как он ускользает от высшего командования, шлет Марвицу следующий приказ: „Конный корпус подвинется сначала только до шоссе Розуа, Бетон-Базош, Эстерне. Он оставит в Ребе офицера для связи, которого штаб I армии должен застать там в 12 часов".

В это время, в течение дня 5 сентября, летчики подтверждают отступление противника от Парижа по всей линии по дороге к Сезан, Ромильи-на-Сене (на одинаковом расстоянии между Ножаном-на-Сене и Мери-на-Сене).

Клук ликует. Кто же его разубедит?

Видимо, не подполковник Хенч, прибывший после полудня и привезший подтверждение приказа от 4-го с дополнительными раз'яснениями. Повидимому, этот агент связи

главной квартиры был плохо принят генералом и сохранил, вероятно, самое неприятное воспоминание об оказанном ему приеме, так как, приехав несколько дней спустя, 9 сентября, при критических обстоятельствах и привезя решительный приказ, он старательно избегает встречи с генералом Клуком.

Казалось также, что Клуку не открыло глаза сообщение, полученное в 17 час. 20 мин. от его соседа Бюлова. Это сообщение гласило: „II армия достигает сегодня вечером линии Фонтенель, к северо-западу от Монмирай, Бержер-ле-Вертю. Повидимому, в намерение противника не входит принять здесь решительное сражение. Кажется, он хочет перебросить по железной дороге все свои свободные силы в Париж и к северо-западу от него для сосредоточения их на нашем правом фланге и искать благоприятного решения, перейдя в наступление с этой стороны. Сейчас донесения летчиков указывают мне на крупные железнодорожные переброски через Ромильи и Ножан к западу".

Клук все это допускает, но считает опасность далекой.

Однако, поздно вечером 5 сентября он узнает, что днем значительные французские силы произвели атаку на Демартен-ан-Гоэль к северо-востоку от Парижа. Это наступление армий Монури, это разражается гроза.

В этом месте своих мемуаров Клук останавливается, сосредоточивается, бросает ретроспективный взгляд на события и ищет себе оправдания: „Правда, приказ от 28 августа говорил о движении на нижнее течение Сены, но он также предвидел возможность поворота к югу. К тому же сила войск была недостаточна для такого движения к нижней Сене для обложения Парижа с северо-востока до северо-запада и для охраны комуникаций. Главная квартира должна была бы к концу августа остановить движение, дать армиям отдохнуть, подкрепить правое крыло, атаковать северо-восточный фронт Парижа тяжелой артиллерией I и II армий, заменить на охране комуникации перволинейные и резервные войска частями ландвера и ландштурма и только тогда возобновить маневренную войну. Главное, не надо было отправлять войск на русский фронт. Если бы я знал общую обстановку, если бы у меня явилось малейшее подозрение о возможности атаки на мой правый фланг, я бы никогда не перешел Марну.

„Когда, 29 августа, I армия завернула к Уазе, чтобы достичь ее 31-го у Науйона и Компьена, главная квартира дала свое одобрение. Приказ от 2 сентября предписывал отбросить противника к юго-востоку от Парижа. Это то,

что привело меня к движениям, предпринятым мною 3, 4 и 5 сентября. Приказ 4 сентября ставил все вверх дном".

Мы уже достаточно говорили об этом приказе, чтобы указывать, где правда и где софизм, которые содержатся в этом оправдании.

Остановка.

Мы вступаем теперь в период критических дней. Атака армии Монури сорвала повязку с глаз Клука; необходимо было принять меры к восстановлению положения. В соответствии с этим, 5-го, в 23 часа, в Ребе, он дает приказ на 6 сентября, отзывающий два правофланговых корпуса к северу: II от Куломье должен перейти на Марну, через Трильпор, к Жерминьи-л'Эвек; IV—вернуться от Шуази к Дуэ, т.-е. на полдороге к Ферте-су-Жуарр; оба эти корпуса оставят на Большом Морене небольшие арьергады. III корпус, выдвинутый вперед к Монсо-ле-Провен (Montceaux-les-Provins) в 20 клм. к югу от Большого Морена, отойдет к этой реке у Ла-Ферте-Гоше, а XI—задержится у Эстерне, держа связь со II армией, головы колонн которой, предшествуемые I конным корпусом, достигают Монмирая и проходят Шампобер и Вертю. Что касается мостов, то они будут сильно заняты сейчас же: 1) у Жерминьи-л'Эвек и у Лизи-на-Урке II корпусом; 2) в Ла-Ферте-су-Жуарр, Санси и Нантей-на-Марне (оба эти местечка между Ферте и Шарли) IV корпусом; 3) у Шарли и Ножан-л'Арто отрядами III корпуса; 4) в Шези и Шато-Тьерри, частями IX. II конный корпус замаскирует отступление со стороны Парижа, перейдя к Люминьи и Розуа-ан-Бри. Штаб, 6-го, в Шарли-на-Марне".

Приводя этот приказ, Клук добавляет: „Опасность на правом фланге не представлялась немедленной, и я надеялся, что все эти передвижения можно будет произвести в полном спокойствии". Клук рассчитывал выпутаться, перебросив один корпус, II, на Марну, даже не переходя ее и оставив один корпус, IV, в Дуэ, на полпути между II и III, находившимся в Ла-Ферте-Гоше. Ему хочется верить, что это ложная тревога и, если он принужден остановить свое движение, то, по крайней мере, он надеется, что ему не придется вновь переходить Марну.

Упорствуя в своем заблуждении, Клук проявляет уверенность, о которой нельзя сказать, была ли она у него в действительности; во всяком случае, она не должна была быть продолжительной. Действительно, в течение ночи приходит тревожное известие от IV резервного корпуса, и II корпус получает приказ выступить возможно скорее, чтобы

быть в состоянии вмешаться 6-го к северу от Марны. В течение дня 6 сентября IV резервный корпус, который должен был оставаться в районе Дуэ, в свою очередь получает приказ двинуться на Ферте-су-Жауарр, перейти Марну и продолжать свое движение в ночь с 6 на 7, чтобы к утру быть в Розуа-ан-Мюльтьен (Rosoy-en-Multien), удлиняя правый фланг II корпуса, который продвигается к Троси.

Клук убеждается наконец в реальности атаки, направленной со стороны Парижа на северо-восток. Чтобы отбить ее одним ударом, он постарается охватить ее с севера, заставляя своих солдат двигаться беспрерывно днем и ночью *). Какие это должны были быть чудные войска, от которых можно было потребовать такого усилия после 23-дневного безостановочного похода, не считая боев!

День 6 сентября.—События, следовавшие одно за другим в этот день в I армии, резюмируются донесением, посланным в этот день Клуком в главную квартиру: К северу от Марны II корпус и IV резервный выдерживают тяжелый бой к юго-западу от Круи против значительных сил, вышедших из Парижа. III и IX корпуса остались к западу от Монмирая и для прикрытия фланга II армии. II конный корпус прикрывает правый фланг III корпуса от противника, идущего от Турнана.

Бюлов со II армией наткнулся 6-го на сопротивление, какого он не ожидал, как показывает его приказ вечером 5 сентября. Он видит даже, что французы атакуют: „авангард IX корпуса захвачен врасплох, и его артиллерия уничтожена", говорит нам Баумгартен. Бюлов зовет на помощь соседей.

6 сентября в 18 часов он сначала обращается к саксонцам: „Части I и II армий на Малом Морене вступили в упорный бой. Крайне необходимо, чтобы III армия возможно скорее атаковала к востоку от Фер-Шампенуаза".

Внезапно обстановка выясняется. Вечером 6 сентября главная квартира телеграфирует следующее сведение, найденное нами несколько дней спустя на пленном офицере: „согласно приказа по армии Шоффра (sic!) всей французской армии на сегодня приказано решительное сражение".

Наконец, принято то решительное сражение, к которому так долго стремились. Положение обрисовывается весьма

*) Я позволю себе привести здесь одно личное воспоминание. За несколько лет до войны, примерно в 1910 г., на императорских маневрах сторона под командой Клука очутилась в подобном же положении. Клук произвел такой же маневр. В течение ночи он преобразил свой фронт так, что его правый фланг стал левым. Подполковник Бартелеми, 2-го отдела Генерального Штаба, 7 сентября напомнил об этом прецеденте нашему командованию.

благоприятно; вся II армия и половина I-ой налицо; англичане испарились. Можно будет раздавить французов, обойдя их с левого фланга, который уже охвачен 2 корпусами I армии, и Бюлов, не задолго до полуночи, дает следующий приказ:

„Завтра, 7 сентября, атака продолжается при участии III и IX корпусов I армии, прикрываясь одновременно со стороны Розуа-ан-Бри".

Увы! пылкий Клук уже не в наступательном настроении. Мы видели, что 6 сентября III и IX корпуса получили приказ оставаться на Большом Морене, IX—в Эстерне, III—в Ферте-Гоше. Несмотря на то, что следствием этого явился небольшой отход III корпуса, все они находятся в хорошем положении, чтобы вмешаться, как того желает Бюлов. Но тут на Клука вдруг нападает щепетильность: „Так как II армия должна была на следующий день атаковать в направлении Сены, заходя вокруг Монмирая, то вследствие этого III и IX корпуса оказались впереди ее правого крыла Принимая это во внимание, 6 сентября в 22 часа, я отдал приказ этим корпусам отойти на север от Малого Морена и от Монмирая к Саблоньер и Буатрону". Эти корпуса должны были прикрыть II армию к западу от Монмирая (как говорит донесение, посланное 6 сентября вечером в главную квартиру).

День 7 сентября. — В ночной тиши мысль Клука работает. Обеспечение общего движения, которым он так пренебрегал, пока не встречал сопротивления во время своего преследования, в настоящий момент выдвигается на первый план. Это сражение к югу от Марны, к которому он стремился вопреки всем и вся в момент, когда оно представляется возможным, больше его не интересует. Сохранит ли он свою армию разделенной пополам? Он рискует потерять половину ее, которая перейдет к Бюлову. Результаты таких рассуждений не заставляют себя ждать. „Приказ Жоффра, говорит он, мог повести к успеху только в том случае, если удастся атака, направленная со стороны Парижа. Необходимо было, таким образом, не только остановить ее, но также и разбить, охватив ее с севера. Вот почему я решился на рассвете 7 сентября послать III и IX корпусам приказ передвинуться к Ферте-Милон и Круина-Урке, не принимая в расчет ранее данных инструкций о совместных действиях с II армией. Это была необходимость, вызванная критическим положением".

Но что же, в таком случае, будет со II армией? „Мы полагали, в моем штабе, продолжает Клук, что II армия во исполнение приказа от 4-го вечером должна была быть к

югу от Марны, фронтом на запад. В действительности, она еще не достигла района к северу от Малого Морена".

Какая недобросовестность! Как-будто бы он не знал, что II армия находится у Монмирая. Он говорил об этом несколько раз в своих приказах и донесениях. Разве он настолько далек от Бюлова, что не мог с ним сговориться? Какого же рода отношения существовали между этими двумя командующими и их штабами? Не знаешь, чему больше удивляться: их взаимной неосведомленности или эгоизму Клука.

Когда же, через час после отдачи им приказа об атаке на 7 сентября, Бюлов узнает об отходе на Малый Морен ниже Монмирая обоих корпусов, III и IX, на которые он рассчитывал при атаке, он должен отказаться от этой атаки и тотчас же, говорит Баумгартен, 7 сентября в 0 часов 30 минут, телеграфирует в III армию: „я отхожу за Малый Морен, вследствие атаки, направленной со стороны Розуаан-Бри на III и IX корпуса".

Что же это за атака? 7 сентября, в 10 часов 30 мин., иначе говоря спустя 10 часов, Марвиц мог донести, что он имеет против себя к югу от Куломье только незначительные английские силы. Не говорил ли Клук Бюлову про эту атаку, чтобы оправдать отход своих двух корпусов? Предположив это, что можно подумать о характере этого генерала? В действительности, англичане начали приближаться только 7 вечером: I корпус и кавалерийская дивизия к Шуази (в 10 км. южнее Ребе); II корпус к востоку от Куломье; III—к северо-западу от Куломье.

Как бы то ни было, Бюлов находится в очень неудобном положении. „Этот отход, говорит он, ставил II армию в страшно тяжелое положение". Это была правда. Насколько серьезна, насколько важна была эта атака французов на Урке, чтобы заставить вдруг отзывать всю I армию? „В сущности,—говорит Бюлов,—можно было ограничиться тем, что держаться на Урке тремя корпусами, отведя просто III и IX корпуса на Доллуар (небольшой левый приток Марны в 7 км. ниже Шато-Тьери), чтобы связаться со II армией. Возможно, что из-за этого I армии пришлось бы поступиться частным успехом, который, к тому же, развить было невозможно из-за близости Парижа; зато непрерывность фронта была бы сохранена. Теперь же противник мог проникнуть в прорыв и взять I и II армии с тыла".

Эти соображения совершенно верны.

Спала ли все это время главная квартира? Генерал Баумгартен рассказывает нам, что она узнала об отозвании III и IX корпусов, только после выполнения этого. Она этим

была крайне удивлена, „но, говорит генерал, она находилась в Люксембурге".

Генерал ф.-Куль пишет: „I армия двигалась к Урку, II—к Сене, а главная квартира с 5 по 9 была нема". А вот Баумгартен: „Если бы главная квартира попросту предписала Клуку оставить только один корпус на правом фланге II армии, это была победа".

Действительно, нигде не видно, чтобы Клук испрашивал разрешение на эту операцию, даже нигде нет немедленного донесения о принятых им мерах, которые, однако, были крайне интересны для всех. Какое странное командование.

С другой стороны телеграммы, полученные Бюловым в течение утра 7 сентября от Клука,—он воспроизводит их в своем донесении,—не такого свойства, чтобы уменьшить беспокойство командующего II армией; вот содержание этих телеграмм:

В 7 ч., 7 сентября: „Штаб I армии переходит в Вандрест (6 км. к сев.-вост. от Лизи-на-Урке).

В 10 час. 10 мин.: „II, IV и IV резервный корпуса ведут тяжелый бой к западу от верхнего Урка. Где III и IX корпуса? Каково положение у вас?" Какая заботливость о соседе! Клук очень беспокоится, чтобы Бюлов не оставил у себя оба его корпуса.

В 11 час. 15 мин.: „Вмешательство III и IX корпусов на Урке необходимо немедленно. Противник значительно усиливается".

В 11 час. 20 мин.: „Где II конный корпус? Во время неприятельской атаки удержание Малого Морена выше Фертесу-Жуар крайне необходимо".

В штабе I армии начинают терять голову; беспокойство граничит с паникой.

Бюлов, в 11 час. 25 мин., отвечает: „II армия вступила в тяжелый бой между Монмирай и Ла-Фер-Шампенуаз. Ваши III и IX корпуса находятся в движении на север".

Действительно, бой тяжелый, и правый фланг открыт, так как дерзкий сосед внезапно перешел от крайнего дерзновения к слишком большой, может быть, осторожности.

На этом правом фланге остается только Марвиц. 7 сентября к вечеру этот генерал лично находится в Жуарр, его 9 кавалерийская дивизия к востоку от Трильпора, 2-я—в Пьер-Леве (8 км. к юго-зап. от Ферте-су-Жуарр); но если такое расположение, принятое им по указаниям Клука, и прикрывает отходящие за Марну колонны I армии, то оно совершенно бесполезно в смысле прикрытия Бюлова.

Командир IX корпуса чувствовал необходимость оставить часть своих войск к югу от Марны в Шези в виду огромного разрыва, созданного его уходом, между II армией и Марной; но настойчивый приказ Клука предписывает ему „ни в коем случае не задерживаться под предлогом появления противника, двигающегося со стороны Куломье. Необходимо, чтобы корпус сегодня же был в Ферте-Милон".

Весь IX корпус переходит реку; однако, он оставляет одну бригаду к северу от Марны, со штабом в Монтрей-с-Лион. Это была просто поддержка коннице, а не связь со II армией к югу от Марны, как того хотел командир корпуса.

В своем донесении от 7 сентября вечером ген. Клук говорит: „Мое наступление правым флангом будет продолжаться завтра с надеждой на успех". Бюлов: „II армия вступила в решительное сражение на Малом Морене, между Монмирай и Нормд (к северо-вост. от Фер-Шампенуаза). Обеспечение, представляемое III армией, слабо. Для достижения решительных результатов необходима атака крупных частей". Итак, по словам Бюлова, „обеспечение, представляемое саксонской III армией, слабо".

Бедные саксонцы как всегда оплеваны. Однако, они очень хорошо дрались и делали все что могли, чтобы ответить желаниям своих требовательных соседей. Предоставленные им 35 км., между Нормэ и Витри-ле-Франсуа, представляли собой широкое поле действий для их 5 дивизий; к несчастью, они имели перед своим центром только немного конницы противника и еще лишний раз должны были разорваться пополам, чтобы подать помощь своим более занятым соседям.

В этот вечер 7 сентября произошло большое событие. Император, которого французские историки, страдающие скорее избытком фантазии, чем правдивостью, представляют нам театрально расположившимся на одной из высот Нанси, окруженным своими белыми кирасирами, утром прибыл в Сюипп. Этот вечно беспокойный человек, ненужный в главной квартире, постоянно бродящий в тылу своего фронта, ища щель, через которую проникнет победа, дает знать командующему III армией о своем намерении ночевать в Шалоне, чтобы 8-го отправиться во II армию. Что делать с этой назойливой марионеткой, военные претензии которой служили злободневной темой шуток молодых офицеров во всех довоенных полковых офицерских собраниях? Ф.-Гаузен отсоветует ночевку в Шалоне, как опасную. Этого достаточно. Император, отказываясь от посещения III и II армий, быстро возвращается в Люксембург.

Поражение, начинавшееся на Урке, распространяется с быстротой молнии по фронту всех германских армий до Вогезов.

Император будет бессильно глядеть на него из своей главной квартиры.

Растерянность.

В наши намерения не входит описывать здесь Марнское сражение, но только изучить организацию германского командования и проследить проявление его деятельности. Следовательно, мы изложим операции, вкратце, соответственно рамкам этой программы.

День 8 сентября.—Возьмем сначала I армию.

III корпус, двигавшийся двумя колоннами в течение всего дня 7 сентября и всю следующую ночь, достиг Урка у Круи утром 8-го. IX корпус, двигавшийся в течение того же времени и перешедший Марну в Шези, был на пути в Ла-Ферте-Милон; как мы видели, он оставил одну бригаду к северу от Марны. Оба корпуса будут в состоянии на следующее утро осуществить охватывающее движение на север. По словам начальника штаба I армии IX корпус прошел в 40 часов 120 клм.

Конный корпус Марвица удерживал Марну своими пешими егерями у Жуарра. Противник не наседал. В 11 ч. 35 мин. Клук посылает Марвицу следующие инструкции: „Летчики подтверждают, что 2 неприятельские колонны, силою до дивизии каждая, движутся из Ребе и Дуэ на северо-восток. Необходимо остановить противника на Марне. II конный корпус имеет задачу прикрыть 5 батальонами направление к западу от Ферте-су-Жуарр. Две смешанные бригады IX корпуса задержаны между Ла-Ферте-су-Жуарр и Шези-на-Марне. В случае неприятельской атаки, уничтожить мосты на Марне".

Донесение Клука, составленное вечером, представляет некоторую разницу с вышеизложенным приказом. Он начинает с того, что в течение всего дня 8 сентября армия вела тяжелый бой против превосходных сил противника к западу от Урка от Антильи, к юго-вост. от Бетца, до впадения Теруанна в Марну; что касается обороны Марны, он заявлял, что назначит для этого II конный корпус и усиленную пехотную бригаду между Лизи на-Урке и Ножан-л'Арто, т.-е. немного меньше пехоты и немного более растянутый к востоку фронт.

Штаб I армии должен был быть перенесен 9 сентября в Ла-Ферте-Милон.

Вечер 8 сентября для I армии заканчивался спокойно.

Если меры, предписанные Клуком к 12 часам Марвицу, т.-е. отход всех частей, даже конницы, к северу от Марны и предположенное разрушение мостов до Шези, были такого рода, что могли обеспечить тылы I армии, то эти меры совершенно не успокаивали Бюлова. В сущности он был совершенно брошен I армией. Его охранение к западу было обеспечено только двумя его конными дивизиями, удерживавшими Малый Морен от Сен-Сира до Вердело, и видевшими, что мосты за их спиной готовы были быть разрушенными.

В течение дня 7 сентября Бюлов, обеспокоенный за свой центр, кажется призвал в район Сен-Гона одну дивизию своего правофлангового VII корпуса, что еще больше оголяло уже висевший в воздухе фланг.

По этому поводу германские авторы упрекают Бюлова за его способ командования. Вместо того, чтобы оставаться далеко от боя, в спокойной обстановке, он был все время в движении, согласно своей привычке, которую он приобрел на осенних маневрах.

„Журнал военных действий II армии в течение дней сражения, пишет Баугартен, заполнен передвижениями взад и вперед генерала и его начальника штаба. Всегда вблизи фронта, он схватывает все его впечатления, которые его решительный и деятельный характер, немедленно и слишком легко, переводит в решения и приказы. Как он действовал 23 и 29 августа, так же он будет действовать и 7 сентября. По этим же причинам, он лишает себя своего единственного резерва, расположенного за угрожаемым флангом, чтобы усилить свой центр".

Донесение Бюлова о положении в ночь с 7 на 8 не было бодрым: „До сих пор мы находимся лицом к лицу с противником на удержанных нами позициях... Из-за значительных потерь, II армия не превышает численностью 3-х корпусов.

Бюлов, находя свое обеспечение с запада недостаточным, решает в течение дня 8 сентября загнуть свой фланг, отведя 13 дивизию на линию Монмирай—Фонтенель. По словам Бюлова это отступательное движение было мерой предосторожности. Мы увидим, что подполковник Хенч, офицер связи главной квартиры, заявит, что VII корпус был попросту разбит и отброшен противником. Как бы то ни было, это движение производится и увлекает за собой конницу, бросившую весь Малый Морен и продолжившую фронт 13 дивизии от Фонтенел до Ножан-л'Арто.

Это отступление усиливается в течение вечера. Мондеман в центре расположения взят противником, а правый фланг II армии отходит на линию Тульт—Марньи. Гвардейская кавалерийская дивизия, державшаяся до 20 часов на Доллуаре, отходит под давлением противника на Кондэ-ан-Бри; 5 кавалерийская дивизия отброшена на северный берег Марны.

Таким образом, к концу дня 8 сентября весь район к югу от Марны и к западу от линии Кондэ-ан-Бри—Тульт был очищен от немцев. Важная переправа у Шато-Тьери была потеряна II армией.

В то время, как эти катастрофические события происходили к западу от II армии, на востоке, наоборот, день был хорош. С этой стороны Бюлов рассчитывал на успех. В то время, как оба его правофланговых корпуса, VII и X резервный, более или менее добровольно загнули фланг, он своими двумя левофланговыми корпусами, X и гвардейским, поддержанными саксонцами, предпринял сильное наступление, несмотря на свои значительные потери, о которых он сообщил в главную квартиру. Ген. Гаузен, которого, как мы видели, упрекали накануне за слабое обеспечение, обещал на 8 сентября энергичную помощь.

7 сентября в 23 часа 30 мин., донесение III армии в главную квартиру составлено в следующих выражениях: „В 4 час. 30 м. утра 8 сентября приказано произвести всеми силами штыковую атаку, чтобы избежать артиллерийского огня. Крылья II и IV армий будут атаковать в связи с нами“.

Ген. Баумгартен сообщает нам, что продвижение саксонских войск было действительно очень слабо в предыдущие дни из-за действия французской артиллерии, слишком превосходящей немецкую.

Немецкие авторы все время возвращаются к этому превосходству. Виднейший артиллерист, ген. Роне, в „Militär Wochenblatt“ от 16 февраля 1920 г., заявляет: „Французская полевая артиллерия была значительно выше нашей, не только в смысле материальной части, но, что гораздо важнее, в смысле ее применения“. Ген. ф.-Куль развивает ту же мысль в своей книге, а командующие армиями в своих донесениях. Баумгартен пишет: „Великолепная французская артиллерия часто спасала свою пехоту от прорыва; с другой стороны, ее замечательное применение сводило нанет порыв германской пехоты... Только ей немцы обязаны своими огромными потерями в первые 5 недель операций... Наша артиллерия не могла равняться с ней“.

Атака саксонцев удалась. Была взята часть французской артиллерии и выиграно пространство к югу.

8 сентября в 11 час. 45 мин. гвардия захватила Фер-Шампенуаз. В 14 час. 50 мин. гвардия и саксонские корпуса продвигаются к Коннантру и Эви (Oeuvy). В 18 час. 45 мин. ген. Гаузен смог донести в главную квартиру: „Мои правофланговые дивизии продвинулись за Соммесу; левофланговые, в связи с IV армией, ведут медленно развивающийся бой. Моя 24 резервная дивизия (отставшая еще у Живе), наконец, прибыла". Она вступит в бой 9 сентября.

Удастся ли прорыв центра противника—идея, явившаяся после мысли о его охвате. В районе III армии день прошел очень хорошо; можно было надеяться, так как противник был отброшен. С другой стороны IV армия совершенно не продвинулась. Сражение завязанное ею между Витри-ле-Франсуа и Ревиньи развивалось очень неопределенно и оставалось нерешительным в течение нескольких дней, хотя и было ожесточенным.

Однако, опасной стороною оставался правый фланг II армии, который противник старался охватить. Уже 8 сентября Бюлов телеграфировал: „У меня нет больше резервов". В центре его армия сопротивлялась X французскому корпусу и даже отбрасывала его. Несмотря на это, опасность оставалась на западе; действительно, англичане решились, наконец, двинуться, хотя и медленно, после того как, говорит германская реляция, „истребовали и получили поддержку одной французской дивизии".

Несмотря на свое беспокойство, Бюлов старается удержаться и предписывает продолжать бой.

День 9 сентября.—В 7 час. 15 мин., 9-го, Бюлов дает конннце следующие инструкции: „Вторая армия сражается на линии Марны, Тульт, Плер (Pleurs) (в 11 км. к юго-зап. от Фер-Шампенуаза). Ее левое крыло переходит в наступление. Гвардейская кавалерийская дивизия должна прикрыть мой правый фланг до Марны". В течение вечера 8 сентября, 5-я кавалерийская дивизия (2-я 1 конного корпуса), перешла, увлекаемая Марвицем, к северу от Марны; она отошла до Мариньи-ан-Орксуа (Marigny-en-Orxois), на 5 км. сев.-вост. от Монтрей-о-Лион, месторасположения центра сводной бригады IX корпуса, единственной пехотной части, оставленной Клуком для защиты Марны на фронте более чем 30 км.

Бюлов посылает этой 5 дивизии приказание удерживать переправы на Марне от Шато-Тьери до Бенсона (Binson) (в 3 км. к вост. от Шатильона-на-Марне). Командир

этой дивизии кажется удивленным этим приказом. Уже в в течение нескольких дней он получал и исполнял приказы Марвица. Но вот, вдруг командующий II армией отзывает его в совершенно противоположном направлении. Действительно, Бенсон находится в 45 км. от Мариньи-ан-Орксуа. Неужели Марвиц ввел его в заблуждение? Чтобы выяснить положение он обращается к нему. Командующий II армией, говорит он, предписывает мне идти на Шато-Тьери—Бенсон. Разве моя дивизия не находится больше в вашем подчинении?

Мы не знаем ответа, но увидим, что Клук продолжает в течение всего вечера посылать приказы этой дивизии. Вероятно, 5 кавалерийская дивизия не смогла во-время исполнить приказ Бюлова, так как его коллега из 1 конного корпуса, командующий гвардейской кавалерийской дивизией, телеграфировал из Кондэ-ан-Бри в 9 ч. 45 м.: „Возможно, что 5 кавалерийская дивизия в данный момент не свободна".

Что во время этого кризиса происходил беспорядок в коннице, на которую была возложена столь ответственная задача, к тому же так быстро меняющаяся,—совершенно естественно. Но вот, что еще серьезнее: противник переходит Марну. Марвиц об'являет эту новость в 8 часов: „Противник перешел Марну у Саммерона (в 3 км. к вост. от Ла-Ферте-су-Жуар) и у Ла-Ферте-су-Жуар. Отсюда сильные колонны двигаются в восточном направлении".

Между тем, так как 5 кавалерийская дивизия отсутствовала, Марна не охранялась в районе коммуникаций II армии. Хотя гвардейская кавалерийская дивизия и доносит из Кондэ-ан-Бри в 9 ч. 45 мин. о том, что противник ее вяло преследует, и о своем намерении атаковать его во фланг к востоку от р. Дюи (Dhuis), все же обеспечение слабо. С другой стороны, летчики к 11 часам указывают что „4 длинных колонны противника двигаются к Марне. Головы их утром находились на Марне в Нантей, Ситри, Паван (Pavant), Ножан-л'Арто.

Положение стало невыносимым.

Бюлов уже накануне был полон опасений. „С 8-го вечером, говорит он, я знал, что вся I армия дерется к северу от Парижа. Я больше не рассчитывал на вмешательство главной квартиры. Колонны противника, идущие от Дуэ и Ребе, подымались к северу, другие находились еще западнее. Противник, перешедший Марну 9 сентября между Ферте-су-Жуар и Шато-Тьери, мог ударить по тылу I армии и принудить ее к отступлению. II армия тоже была вынуждена отойти, чтобы не быть обойденной с фланга".

К счастью, для облегчения ответственности Бюлова в ночь с 8 на 9 сентября приезжает в Монмирай агент связи главной квартиры, подполковник Хенч. Бюлов излагает ему положение и привлекает его на свою сторону.

В это время прибывает также ген. ф.-Эйнем, командующий VII корпусом, едущий с правого фланга, где 13 дивизия вынуждена была отойти. Его рапорт не такого содержания, чтобы придать бодрость командующему армией. В согласии с подполковником Хенчем, пишет тогда Бюлов, я был твердо убежден, что важнейшей задачей для II армии было поддержать I армию к северу от Марны и дать возможность этой последней вновь войти в связь со мной где-нибудь в районе Фим (Fismes). Этим решением, очень неприятным для II армии, одержавшей повсюду победы, разрушался французский план".

Таким образом, бедный Бюлов видит, что победа от него ускользает. Мы увидим дальше, что Клук еще живее выражает такое же сожаление.

„Это решение, продолжает Бюлов, было принято до полудня. Но я продолжал еще некоторое время победоносное наступление моим центром и левым крылом и только когда противник был повсюду отброшен, я начал отступление левым флангом, в 13 час.—гвардией, в 14—центром. Мой штаб был перенесен в Эперне".

Если решение было принято к полудню и войска могли получить приказ в 13 часов и приступить к его исполнению, то срок, оставленный для использования победы не слишком велик. В данном случае Бюлова нельзя упрекнуть в слишком большой смелости. Дальше мы увидим мнение подполковника Хенча о состоянии II армии и об ее шансах на победу. К тому же, вот приказ Бюлова, отмечающий второй период поражения: „II армия отступает правым флангом на Дамери (7 клм. к зап. от Эперне)".

Это происходит 9 сентября около полудня.

Что же делает I армия в течение утра 9-го?

Превосходство этой армии проявилось на ее правом крыле, которым она старалась охватить противника. Дебушируя из района Бетца, взятого 8 сентября, и из Левиньяна, вновь прибывшие корпуса овладели Нантей-ле-Одуэн. Противник заметно ослабел с этой стороны. Но обеспокоенный переходом англичанами Марны у Шарли, Клук приказывает своему левому крылу произвести загиб фланга между Монтиньи-л'Алье и Ганделю (Gandelu), по течению Клиньона, маленького левого притока Урка, впадающего в эту реку на полпути между Круи и Марей. „2-й конный корпус прикроет это движение от англичан, атакуя всюду, где только сможет".

По мнению Баумгартена, Клук был в хорошем положении. На правом фланге Монури был накануне поражения. Центр был непоколебим. На левом фланге Марвиц занимал Марну от Урка до Ла-Ферте-су-Жуарр, и мог держаться сколько надо. Правда, Френч отдал приказ перейти Марну, но он действовал медленно. Он потребовал и добился поддержки одного французского корпуса для движения на Шато-Тьери. Таким образом, Клук мог удерживать англичан до сведения им счетов с французами. К вечеру того же дня можно было ожидать полного успеха. Но прибыл делегат главной квартиры и привез приказ об отступлении.

Это был тот же подполковник Хенч, ехавший из II армии, где, как мы видели, он одобрил принятые Бюловым меры для отступления. Он прибыл в штаб-квартиру I армии в Марей-на-Урке около 13 часов, как говорит Клук.

Он привез сведения и приказ.

„Положение неблагоприятное. V армия остановлена под Верденом, VI и VII перед Нанси и Эпиналем; от II армии оставалась каша (Schlacke). Уже предписанное ей отступление на Марну было неизбежно. Ее VII корпус был отброшен, а не отведен по приказу. Следовательно, необходимо вновь взять в руки все армии; III и IV армии соединятся в Шалоне, IV и V—в Клермон-ан-Аргонн. I армия должна согласоваться с общим движением. Во исполнение этого I армия отойдет на линию Крепи-ан-Валлуа, Ферте-Милон, Нейи-Сент-Фрон (Neuilly-Saint-Front), затем оттуда на линию Суассон, Фер-ан-Тарденуа и может быть даже к Лаону и Ля-Фер".

Клука здесь не было. Это сообщение получил его начальник штаб ген. ф.-Куль. Он энергично протестовал против отступления; Хенч лично провел углем на карте генерала линию отступления. Куль доказывал всю трудность этого отступления при том беспорядке, который царил в тылу вследствие передвижения предыдущих дней и из-за истощения войск, нечеловеческие усилия которых мы уже отметили выше. Хенч настаивал, говоря, что отступление необходимо и что он имеет все полномочия, чтобы его предписать. Он, однако, согласился, что в настоящем положении армия должна отступать на реку Эн, с левым крылом у Суассона, т.-е. ниже по течению, а не выше Суассона. Это изменение должно было увеличить расстояние между обеими армиями и связь у Фим, которой требовал Бюлов, не могла быть осуществлена. Между прочим, Хенч сообщил очень важное известие, что в районе Сен-Кантена сосредоточивается новая армия.

Генерал Куль, со слов которого мы изложили это чрезвычайно важное сведение, заключает следующим образом: „не имея письменных полномочий, подполковник Хенч в действительности держал в своих руках судьбу сражения".

Начальник штаба настаивал, чтобы подполковник дождался возвращения Клука; но Хенч отказался, ссылаясь на недостаток времени. Генерал Клук проявил, по этому поводу, сильное недовольство. „К полудню 9 сентября, пишет он, положение было чрезвычайно благоприятным; Марвиц отбросил англичан за Марну, успех против Монури казался обеспеченным, и в это время, к 13 часам, приезжает из главной квартиры подполковник Хенч. К сожалению, его посещение стало мне известно только после его спешного от'езда. Он должен был явиться ко мне лично. Я находился близ Марей. Подполковник должен был сообщить самому командующему армией, столь важное решение и сведения, представляющие положение изменившимся коренным образом, чтобы еще больше подчеркнуть их значение".

В этом случае Клук, конечно, был прав.

Почему же Хенч отказался от свидания с генералом? Вряд ли мы когда-нибудь узнаем, так как этот выдающийся офицер был убит во время войны. Не легко было приступиться к властному и недисциплинированному командующему I армии. Возможно, что свидание между ним и представителем главной квартиры, происшедшее 5 сентября, оставило у последнего слишком неблагоприятное впечатление. Хенчу вероятно не хотелось начинать снова с командующим ту борьбу, которую он только что выдержал с его начальником штаба. Возможно, что он попросту торопился. Вот, по этому поводу, мнение одного из офицеров Большого Германского Генерального Штаба: „В глазах всех офицеров, знавших достоинства германских генералов в 1914 г., один Бюлов заслуживал доверия. Хотя он и был несколько ослаблен недавним апоплексическим ударом, он все же сохранил свою старую репутацию; рассчитывали только на него. Клук, наоборот, пользовался гораздо меньшим престижем. Он был скромного происхождения, и считали, что он призван на такой высокий пост, чтобы не создалось впечатления, что в армии высшие должности замещены исключительно представителями аристократических фамилий. Таким образом, с его мнением очень мало считались. Подполковнику Хенчу, переговорившему с начальником штаба, представлявшим для него настоящий мозг армии, было совершенно неинтересно возобновлять тот же спор с Клуком, мнение которого совершенно не представлялось для него важным.

„Если Клук и пользовался в армии некоторой популярностью, то он ей обязан исключительно своему буржуазному

происхождению, так как говорили: вероятно он очень способный, раз из низов достиг такого высокого положения. Его положение имеет некоторое сходство с положением Базена во Франции в 1870 г. К несчастью, он не соответствовал своему назначению, и скорее случай, чем его достоинства, возвели его на такую высоту. Вот, что о нем думали генштабисты (Generalstäbler)".

Клук не говорит, где он был к полудню, и можно ли было его ожидать в Марей без большого опоздания. У нас есть, по этому поводу, только одно сведение.

В это утро, 9 сентября, 5 французская кавалерийская дивизия начала свой великолепный рейд в тылу I армии; она действовала как-раз в этот момент в районе к северу от Ферте-Милон, пункта, назначенного приказом 8 сентября местом расположения на 9-е штаба I армии. Как известно, один из отрядов этой дивизии чуть не захватил Клука, который сам об этом рассказывает в своем труде. По словам генерала Корнюлье-Люсиньер (Cornulier-Lucinière), командира этой дивизии, между 10 и 11 часами Клук завтракал в замке Ансиенвиль, в 14 клм. к северо-востоку от Марей. Таким образом, к полудню он был недалеко от места расположения штаба в Ферте-Милон, находящегося в 5 клм. от Марей. Но знал ли об этом начальник штаба?

Во всяком случае, на этот раз, впервые с тех пор как мы следим за его действиями, Клук повинуется, не стараясь увильнуть, но протестуя, что у него вырывают победу.

К 14 часам он дает знать своей 4 кавалерийской дивизии, находящейся в Бетце, что I армия отходит левым крылом к Суассону, вследствие отступления II армии к Эперне. Затем в 15 ч. 15 мин. он телеграфирует своему конному корпусу: „Главная квартира приказала I армии отойти на Сауссон. Сегодня она отойдет на линию Антильи восточнее Бетца, Марей-на-Урке, Ганделю (на Клиньоне). Армия будет продолжать свое движение ночью. II конный корпус прикроет это движение". 5 кавалерийская дивизия I конного корпуса, находящаяся в Дюизи (северо-западнее Монтрей-о-Лион), подчинена II конному корпусу. Дюизи находится в 13 клм. от Фертэ-су-Жуарр. Приказ, посланный Бюловым 5 кавалерийской дивизии перейти к Шатильону-на-Марне, должно быть не достиг назначения. Роль подполковника Хенча и тяжелая ответственность, которую он взял на себя, предписав отступление I армии, дали повод в Германии во время войны и после нее к горячей и интереснейшей полемике *).

*) См. сочинение Баумгартена, издание 1921 г.

Хенч дожил до своей реабилитации. Приказ Людендорфа от 2 мая 1917 г., явившийся результатом следствия, распространенный во всей армии, признал, что Хенч действовал в силу данных ему полномочий и в духе инструкций, полученных от Мольтке и Таппена; что же касается своевременности его решения, то это относится к области истории.

Отступление.

Таким образом после полудня 9 сентября I армия была в отступлении своим левым (восточным) крылом на Суассон; II армия также отступала своим правым (западным) крылом к Дамери. Между этими двумя пунктами 52 клм., „зияющая дыра, говорит Клук; если положение II армии улучшилось, то фланг и тыл I-й—были под угрозой".

Марвиц, на которого было возложено обеспечение отступления I армии, хорошо справлялся с своей задачей. В 17 час. 10 мин. он телеграфировал: „Противник кажется слабым. Части его как-будто отходят к Марне. Я атакую противника, правое крыло которого находится в 3 клм. к югу от Мариньи-ан-Орксуа". Имея в виду, что 5 кавалерийская дивизия находилась в этом районе уже с 9 часов в соприкосновении, противник не казался слишком настойчивым. Чувствуется, что этот блестящий начальник не был слишком уверен в необходимости отступления *).

Что касается Бюлова, то не видно, чтобы Хенч поставил его в известность о приказах, которые он собирался отдать I армии, так как с 13 часов Бюлов телеграфировал Клуку: „Каково у вас положение и каковы ваши намерения, принимая во внимание положение II армии?".

Вечером Клук, не без горечи, отвечает ему: „Правое крыло I армии отбросило противника к Нантей-ле-Одуэн. Центр и левое крыло удерживали свои позиции. II конный корпус остановил противника на Марне у Ферте-су-Жуарр и выше. Во исполнение приказа главной квартиры I армия отошла на линию Крепи-ан-Валуа, Ла-Ферте-Милон, Нельи-Сен-Фрон без всякого давления со стороны противника. Англичане продвигаются от Марны вперед, от Ла-Ферте-су-Жуарр к Шато-Тьерри. 10 сентября армия перейдет на реку Эн; штаб сегодня вечером будет в Ла-Ферте-Милон".

Если верить этому ответу, то выходит, что противник остановлен повсюду, даже конницей на Марне, что несколько

*) Марвиц не был настоящим кавалерийским начальником; он это чувствовал сам. Говорят, что в начале войны он просил у императора другую должность. Он преуспел лучше впоследствии, как командующий армией. Но он был молод, энергичен и силен.

преувеличено. Клук держит свой штаб у самой передовой линии и, как только может, подчеркивает, что отход совершается против его воли.

Бюлов ведет ту же игру. Если он должен отходить, то это исключительно из-за отступления I армии. Все его сообщения начинаются: „I армия отступает"; телеграмма, посланная в главную квартиру к 17 часам, составлена в следующих выражениях: „I армия отступает, II армия, по соглашению с Хенчем, медленно прекращает ведущуюся атаку (мы уже видели, как это было) и отходит к северу от Марны правым крылом к Дорману (Dormans). Спешная присылка пополнений крайне необходима".

Необходимо заметить, что западное крыло направилось к Дорману (24 клм. зап. Эперне) вместо того, чтобы отступать к Дамери. Расстояние между Суассон и Дорманом только в 40 клм.

Бюлов оповещает III армию о своем отступлении и указывает линию Дорман, Тур-на-Марне (9 клм. вост. Эперне). Правда, текст телеграммы, оповещающий I армию об отступлении II-й, гласил, как мы уже видели, „правый фланг у Дамери". Телеграмма III армии также говорит о Дамери. Но Бюлов назначил Дорман, упоминаемый в его донесении в главную квартиру. В этом случае, говорит Баумгартен, со стороны штаба II армии была допущена „роковая (verhängnissvoll) ошибка".

III армия уже перехватила 17-часовое радио Бюлова в главную квартиру. Она была им крайне удивлена. На стыке между II и III армиями дела шли отлично. В этом месте удалось продвинуться на несколько километров к югу от Фер-Шампенуаза, и противник казался сильно истощенным. Однако, необходимо было следовать общему движению, и в 18 час. 55 мин. Гаузен телеграфировал в главную квартиру: „Группа правого крыла после победоносного продвижения получила через II армию приказ об отступлении на север от Марны. 10 сентября утром, III армия достигнет правого берега Марны у Кондэ (около и восточнее Тура), Шалона, Поньи (фронт в 30 клм. протяжением по ту и другую сторону Шалона)".

Еще один победитель. И, действительно, за исключением правого крыла Бюлова, эти претензии на победу не были смешны. Напомним, что 8-го вечером Фош телеграфировал Жоффру: „Мой центр сдает; мое правое крыло колеблется. Положение отлично. Завтра я атакую". „Этот рапорт, говорит Баумгартен, привел Фоша в Академию; у нас позвали бы врача". И однако, повсюду пришлось отступать. Могущество маневра Жоффра!

Однако, для победителя Гуазен отступал слишком быстро; он подвергал войска, дравшиеся без перерыва в течение нескольких дней, ночному переходу в 35—40 клм. Главная квартира нашла эти распоряжения паническими и в 21 час телеграфировала: „III армия останется к югу от Шалона, готовой к переходу в наступление".

Едва успел он получить этот приказ, как в 9 ч. 45 м. приезжает подполковник Хенч, возвращавшийся из Марейна-Урке и говорит Гаузену: „Приказ, полученный только что вами,—оставаться к югу от Марны—больше нельзя понимать буквально. Положение II армии совершенно иное, чем себе представляла главная квартира, когда посылала этот приказ. Верьте мне и сообразуйтесь в своих движениях с II армией".

Повидимому, на Хенча произвело сильное впечатление состояние, в котором он нашел II армию. Он описал ее Кулю, как величину ничтожную; здесь, то же самое: он не верит больше в возможность наступления 10 сентября, которым себя обнадеживает главная квартира. Доклад, сделанный им по прибытии в Люксембург, должно быть в значительной мере способствовал упадку духа, проявившемуся, как мы увидим в дальнейшем, у высшего командования.

Тем не менее, кажется, была получена из главной квартиры новая, более настойчивая телеграмма: „Необходимо перейти в наступление 10 сентября как можно раньше".

10 сентября в 0 ч. 10 м. ночи Гаузен принимает решение и телеграфирует в главную квартиру: „8 и 9-го тяжелые кровопролитные бои. Мы захватили 50 орудий и пулеметов и несколько сот пленных. III армия остается к югу от Шалона, имея авангарды на линии Пьер-Морен (между Вертю и Фер-Шампенуаз), Соммесу, Сомпюи, Гюирон (Huiron) (юго-западнее Витри-ле-Франсуа)". Таким образом, Гаузен произвел простой загиб фланга (crochet défensif), заставив передвинуться правое крыло своей армии вокруг Сомпюи от линии Сомпюи, Эви (Oeuvy), на линию Сомпюи, Пьер-Морен.

Гаузен поступил мудро. Он знал, что рискует немногим; если бы он поддался уговорам Хенча, то благодаря предубеждению, царившему против саксонцев, ему это никогда не простили бы.

Главная квартира, преследуя свою наступательную идею, телеграфировала одновременно IV армии, приказывая ей атаковать на рассвете в направлении на Блез (8 клм. южнее Витри-ли-Франсуа) и Перт (Perthes), к западу от Сен-Дизье.

В конце дня 9 сентября Мольтке надеется еще задержать у Эперне отступление, начавшееся с правого фланга. Потерпев неудачу в охватном движении правого крыла и в прорыве центра через Фер-Шампенуаз, он пробует заходить около Эперне 3-мя армиями, III, IV и V, составляющими теперь левое крыло массы, отделенной от VI и VII армий укрепленным районом Верден—Туль. Начинается новый маневр.

Но для его осуществления, необходимо, чтобы ось вращения, т.-е. II армия стояла твердо и была бы прочно обеспечена. Этого условия не было.

День 10 сентября.—В ночь с 9 на 10 сентября Бюлов решается удержать свое левое (восточное) крыло к югу от Марны, либо по собственной инициативе, либо имея в виду расположение III армии, либо по приказу свыше. Он доносит об этом в главную квартиру в 6 часов: „II армия достигнет 10 сентября сильными арьергардами линии Дорман, Авиз (Avize), связываясь в Поканси (Pocancy) с III армией". Правда, Поканси находится в 20 клм. за Пьер-Морен, где находится правый фланг III армии, но это уже не бегство к северу от Марны. Зато на правом фланге Бюлова, положение усложняется: „I армия, продолжает он, передает, что она хочет 10 сентября быть за рекой Эн. Следовательно, нечего рассчитывать на то, что I армия прикроет отход правого крыла II армии". Безопасность правого фланга I армии крайне необходима, сообщает он Марвицу в 7 часов.

В 9 час. 30 мин. он вновь запрашивает главную квартиру: „Отступление I армии за реку Эн вызвано тактической и стратегической обстановкой. Должна ли II армия поддержать I-ую к северу от Марны, во избежание того, чтобы правое крыло боевой линии было оттеснено и отброшено с позиции на позицию? Жду инструкций".

Эти витиеватые фразы плохо маскируют чувствующуюся Бюловым необходимость отойти к северу от Марны; он хотел, чтобы ему это приказали. Такое положение, говорит он, не может продолжаться.

Главная квартира крайне нерешительна и, кажется, очень недовольна необходимостью вмешаться. 10-го, в 9 часов она телеграфировала Клуку: „Благоприятные бои по всей линии. Необходимо, чтобы наступление I армии обеспечивало правый фланг II-й".

Клук, вероятно, ничего не понял. Ему приказали отойти за Эн; представитель главной квартиры сам начертал на карте линию отступления и воспротивился, от имени высшей власти, представителем которой он себя называл,

возражениям Куля, не видевшего необходимости этого отступления; теперь же ему приказывают атаковать! Неизвестно, ответил ли он что-нибудь.

В полдень главная квартира снова наседает: „Срочно уведомьте меня о противнике, находящемся перед I и II армиями". Затем, через час: „Каково положение I армии? Какого противника она имеет перед собой?".

Наконец главная квартира принимает важное решение и посылает приказ: „I армия подчиняется командующему II армией".

Подчинение, существовавшее до 27 августа и так неудачно нарушенное, таким образом восстановлено. Но условия сильно изменилась. Трения между обоими командующими, обвиняющими друг друга в поражении, были очень сильны. Они далеки от согласия друг с другом. Клук, неповинующийся Мольтке, будет ли повиноваться Бюлову?

По получении приказа Бюлов начинает подбирать поводья и телеграфирует в 14 часов Клуку: „I армия подчинена мне. Где она находится 10 сентября? Обстановка и силы противника, находящегося перед ней? Когда I армия будет в состоянии перейти в наступление? Отвечать немедленно. Штаб II-й армии сегодня в Реймсе".

Тон властный; приказано отвечать немедленно, но Клук не торопится.

Баумгартен передает, что подчинение Бюлову вызвало в штабе I армии неописуемую злобу. Она еще усилилась после получения телеграммы от Бюлова, спрашивавшего, когда I армия сможет перейти в наступление... Не прошло еще дня, как Клук был оторван от победоносного наступления, принужден в самый разгар кризиса наступления начать навязанное ему отступление, теперь же получается такой запрос!

В 9 час. 15 мин. Бюлов сообщает Гаузену, что он не имеет сведений о I армии... При этих условиях, опасность для его правого фланга так велика, что он вынужден отвести свои арьергарды за Вель (Vesle) и подготовить отход главных сил к северо-востоку. „Желательно, чтобы III армия подравнялась по этому движению", прибавляет он, сообщая это решение Гаузену.

Однако, наконец, приходит ответ Клука: „I армия отошла сегодня к северу от лесов Виллер-Коттере (Villers—Cotterets). Никаких сведений относительно противника к западу от нижнего Урка. До сих пор противник дебушировал из Шато-Тьери. Моя армия сильно истощена и приведена в беспорядок 5-дневными беспрерывными боями и на-

вязанным ей отступлением. Самое раннее, что она сможет изготовиться к наступлению, это—12 сентября".

Этот ясный, хотя и запоздалый, ответ не такого сорта, чтобы изменить отступательные проекты Бюлова.

Итак, положение на правом крыле не блестяще. В центре III армия также поставлена в затруднительное положение отходом II армии и должна еще больше отвести свой правый фланг, так далеко, что этот маневр равняется отступлению; IV армия нигде не продвигается; V спешно требует подкреплений: „перевозка частей для смены необходима немедленно". С маневром захода левым флангом вокруг Эперне сели в лужу.

Но вот что еще серьезнее! Вновь формирующаяся армия, собиравшаяся, по словам Хенча, в районе Сен-Кантена не прибывает в назначенный срок. 10 сентября в 14 час. главная квартира получает известие, что вылазка бельгийских войск из Антверпена в направлении на Брюссель и Лувен, а также железнодорожное крушение, происшедшее у Монса, задержали прибытие XV корпуса, предназначавшегося для этой армии.

Все это была правда; наши храбрые друзья бельгийцы отозвались на призыв Жоффра, узнавшего об этих перевозках, и нанесли удар из своей крепости.

Теперь это было уже слишком, и 10 сентября в 17 час. 45 мин., главная квартира телеграфирует следующее важное решение, самое существенное с начала войны и до перемирия: общее отступление.

„Его Величество приказывает: II армия отойдет за Вель. левым флангом у Тюизи (Thuisy). I армия получит инструкции от 2-й. III армия, не теряя связи со II, будет удерживать линию Мурмелон-ле-Пти, Франшевилль-на-Муавре. IV армия, связавшись с III, будет находится к северу от канала Марна—Рейн, до района Ревиньи. V армия останется на занятых ею позициях. V корпус и общий резерв (33 резервная дивизия) в Метце предназначаются для атаки фортов Труайона (Troyon), Ле-Парош (Les Paroches), Римский лагерь (Camp des Romains). Позиции, занятые армиями, должны быть укреплены, и необходимо на них удержаться. Первые части VII армии (XV корпус и VII резервный) достигнут района Сен-Кантена 12 сентября утром".

Мы подошли к 3-му историческому моменту кризиса.

1-й был 5 сентября в 2 часа 30 мин., когда Клук остановил свое наступление и отозвал два корпуса на Марну.

2-й происходит 9-го в полночь; отступление Бюлова на Марну, Клука от Урка к Суассону и явное замешательство, проявленное командованием. Это и есть решительный момент кризиса.

Наконец, 10-го в 17 час. 45 мин., поняв последствия отступления Клука и Бюлова, сам император останавливает общее наступление.

Это конец мечтаниям. Никто в этом не мог ошибиться.

День 11 сентября. — Одновременно с этим приказом, или приблизительно одновременно, хотя в нем было указано, что I армия получит приказ от Бюлова, главная квартира, знавшая независимый характер Клука, кажется послала ему особый императорский приказ. Он нам неизвестен, но мы угадываем его существование, так как главная квартира известила Бюлова, что она приказала Клуку 11 сентября продолжать свое движение для перехода реки Эн, затем, оставаясь к северу от этой реки, приблизиться к правому флангу II армии. Мы знаем ответ Клука на этот приказ. Показывая свою дисциплинированность, он передает его через Бюлова. Этот ответ, наводящий на размышления, составлен следующим образом: „I армия Вашего Величества, после 5-дневного боя, с 5 по 10 сентября, отбросила на Урке и Марне части французской и английской армий, сильно вооруженные тяжелой артиллерией. Согласно инструкции главной квартиры I армия начинает движение с целью прикрытия правого фланга II армии. Приведение в порядок частей армии и обозов потребует нескольких дней. Начальники и войска дали максимум усилий".

Одновременно Клук осведомляет Бюлова, что I армия будет восстановлена на Эне, оставив сильные арьегарды на этой реке и что штаб расположится в Фонтенуа (между Виком и Суассоном). Он также дает ему знать, что противник, двигающийся от Шато-Тьери и западнее, состоит из 1—2 армейских корпусов и нескольких кавалерийских дивизий. Однако, он не упоминает ни одним словом о мерах принимаемых им к прикрытию впоследствии правого фланга II армии, в чем он обязался в своем ответе императору.

Движение I армии происходит 11-го, и вечером она приходит на реку Эн; IX корпус у Аттиши (Attichy), IV резервный к востоку от Вик-на-Эне (Vic-sur-Aisne) IV, II и III корпуса, в довольно беспорядочном состоянии, между Фонтенуа и Суассоном.

В этот же самый день II армия продолжает свое движение к реке Вель правым (западным) крылом к Триньи с одной дивизией, направленной на Брен (Braisne) и Фим (Fismes), и левым (восточным) крылом к востоку от Реймса. II армия рассчитывала достигнуть реки только 12 сентября; однако, под давлением противника переходы были усилены, и Вель была достигнута в ночь с 11-го на 12-е.

От конницы потребовали еще одного усилия для прикрытия отступления обеих армий. Но эта конница была окончательно истощена.

Во II конном корпусе, на правом фланге, 4 кавалерийская дивизия не чувствовала себя больше в состоянии составить арьергар. Она уже перешла к северу от реки Эн и из Ретонда (Rethondes), где она находилась в ночь 10 на 11, просила дать ей задачу обеспечения безопасности правого фланга, чтобы иметь возможность привести свои части в порядок. Ее просьба была уважена. Впрочем эта дивизия продвинула свои раз'езды вправо не далее опушек лесов Легль (Laigle) и Компьеня. 2 кавалерийская дивизия испрашивала разрешения расположиться бивуаком и просила освободить ее от всякой службы охранения; что же касается 9 кавалерийской дивизии, то мы увидим, что о ней думает командир конного корпуса.

Ночью 11 сентября в 2 часа 45 мин. Марвиц посылает следующее незашифрованное радио, которое мы с удовльствием перехватили: „Никакого противника в Суассоне нет; каково положение? Куда мы идем? Я не способен к дальнейшим действиям, так как благодаря загромождению дорог вчерашний день был четвертым, в течение которого я не получал продовольствия ни для людей, ни для лошадей. У Шметова (Schmettov), командира 9 кавалерийской дивизии, 167 лошадей пали от истощения. В случае перехода реки необходимо сменить нас пехотой. Ответ немедленно".

Подобное незашифрованное послание от такого начальника, как Марвиц, достаточно говорит о моральном и материальном состоянии конницы к утру 11 сентября. Клук немедленно отвечает ему приказом отойти к северу от реки Эн через Суассон, где он найдет продовольствие. К югу от Суассона организуется пехотная поддержка из 5-й и 3-й дивизий; Брен и Фим будут заняты VII корпусом.

Выражение „никакого противника в Суассоне нет", которым начинается радио Марвица, довольно любопытно. Может явиться вопрос, откуда бы мог свалиться этот противник: если его не приписать сильному впечатлению, которое произвела 5 кавалерийская французская дивизия на весь тыл I армии. Именно 10 сентября она при своем отходе прошла через весь Компьеньский лес.

В I конном корпусе положение было еще хуже. Гвардейская кавалерийская дивизия оправдывала свое бездействие в ночь с 10 на 11 сентября к югу от Фер-ан-Тарденуа плохим состоянием лошадей, а с вечера 11 сентября она была уже к северу от Фим, позади пехоты.

5 кавалерийская дивизия 10 сентября завязала бой с неприятельской пехотой и артиллерийской колонной, идущей от Жольгона (Jaulgonne). Но 11-го она захвачена врасплох во время сбора у Брюи (Bruys) неприятельским артиллерийским огнем. Эта дивизия совершенно растрепана и бежит до Вассонь, более чем на 20 клм. от Брюи, ставя между собой и противником реки Вель и Эн. Удар был серьезен, так как в сообщениях об этой дивизии в продолжение нескольких дней говорится, что она на отдыхе. По свидетельству одного из штабных офицеров I конного корпуса, гвардейский батальон стрелков (Schützen), приданный 5 кавалерийской дивизии, исчез до последнего человека.

В течение этого дня, 11 сентября, Мольтке сам приезжал в Реймс, чтобы повидаться с Бюловым. Мы видим первый раз, что начальник штаба Верховного Главнокомандующего передвинулся сам. Вероятно, это явилось следствием доклада Хенча. Этот доклад, вероятно, был до того безотраден, что Мольтке лично захотел убедиться в положении вещей.

До сего времени, ни Мольтке, ни начальник оперативного управления, ни генерал- квартирмейстер ни разу не посетили армий. „Какой контраст, пишет Баумгартен, с тем, что происходило у противника. Жоффр, с неисчерпаемой энергией, появлялся всюду, где надо было разузнать, оживить, наладить... Его представители в главной квартире вполне заменяли его во время его отсутствия".

Мольтке излагает Бюлову свой взгляд на положение вещей. „Достоверные сведения указывают, что противник атакует большими силами левый фланг II армии и III армию, чтобы прорвать наш фронт. Из-за растянутости фронта этой армии, маневр имеет данные на успех. Если германманский центр отойдет, крепко опираясь на левый фланг II армии в районе Тиюзи (Thuisy) и растянется к Сюипп (Suippes), Сент-Менегу (Sainte-Manehould) и далее к востоку, можно будет противостоять этому маневру. Позже, переход в наступление правым крылом будет иметь много шансов на успех". Генерал Мольтке запросил мнения командующих I и IV армий.

Бюлов говорит, что вследствие этого разговора в 17 час. 11 сентября Мольтке послал из Реймса следующий приказ: „III армия перейдет на линию Тюизи, Сюипп; IV—на линию Сюипп, Сент-Менегу; V—от Сент-Менегу к востоку". В действительности же, Мольтке, вероятно, отдал приказ об отступлении, около 10 часов, перед поездкой в Реймс, так как исполнение этого приказа началось с утра 11 сентября.

В отличие от приказа, изданного накануне, последний приказ отводил 3 левофланговые армии. Для IV армии это

являлось скачком назад в 40 клм., от Витри-ле-Франсуа, Ревиньи к Сюипп, Сент-Менегу и соответствующий отход для V армии. А что особенно важно, это оставление всякой мысли о наступлении. В своем разговоре с генералом Кулем подполковник Хенч 9 сентября уже намекал на это.

Этот приказ был последним, который подписал Мольтке. 12 сентября он был отстранен от должности, под предлогом расстроенного здоровья; генерал ф.-Штейн, первый генерал-квартирмейстер замещал его до принятия поста Фалькенгайном 14 сентября вечером. Этот выбор удивил всех, передают генерал ф.-Крамон и подполковник Ветцель. Фалькенгайна очень ценили на посту военного министра, который он занимал с 1913 г., но армия сомневалась в его способностях, как главнокомандующего. Нам его показывают, однако, отличным солдатом, сильной личностью, одаренной большой энергией, большой работоспособностью, правда, честолюбивым, но скорее для своей страны, чем в своих собственных интересах. Эти качества привели к трениям с Гинденбургом, Людендорфом и австрийцем Конрадом ф.-Герцендорфом, повлекшим его отставку.

Генерал ф.-Штейн был освобожден от должности первого генерал-квартирмейстра. Осталось непонятным, почему в это время под тем или иным предлогом Людендорф не был призван возглавлять оперативное управление, которым он так блестяще руководил в течение долгих лет до войны, и должность начальника которого была так плохо замещена ф.-Таппеном. Таппен был перемещен только в августе 1916 г. по прибытии Гинденбурга.

К позиционной войне.

В действительности, отступление должно было продолжаться за намеченную линию.

12 сентября утром III армия перенесла свой штаб с Бетениville (Béthéniville). IV—в Дампьер-ле-Шато (Dampierre-le-Chateau), уже 11-го. В общем 11 сентября все армии завершили предписанное им отступательное движение без особого нажима со стороны противника, хотя он сохранял соприкосновение с их арьергардами и следовал за ними шаг за шагом.

День 12 сентября.—После полудня 11 сентября Клук донес: „Впереди фронта все спокойно". Этому спокойствию не суждено было быть продолжительным.

К вечеру 11-го, французы обстреливали Компьень, самокатчики появились перед Брен, конница подошла к Фим.

Штаб I армии перешел в Жювиньи, к северу от Суассона. Армия находилась на реке Эн, между Аттиши и

Кондэ; несмотря на это, противник сильно нажимал на нее.

12 сентября, после полудня, Клук извещает Бюлова, что его армия атакована на всем фронте значительными французскими и английскими силами; IX корпус был отброшен от Эн, к Мулен-су-Туван (Moulin-sous-Touvent); между Аттиши и Компьенем мосты на Эне были разрушены.

В этот момент Клук получает от Бюлова приказ отправить в этот же день большую часть своих сил к Сен-Тьерри в 8 клм. западнее Реймса. Клук отвечает, что на него очень энергично давят на фронте Аттиши—Суассон, что значительные неприятельские силы перешли реку Вель у Брен и Фим, что он на 13 сентября ждет сражения на фронте Аттиши, Кондэ уже в 10 клм. восточнее Суассона; в крайнем случае он сможет несколько продолжить свое левое крыло к востоку, но у него нет никакой возможности распространиться до Сен-Тьерри.

Действительно, это требование уже было чрезмерным.

Во II армии день прошел спокойно. Штаб 12 сентября был перенесен в Вармеривиль (Warmeriville). Мосты у Брен и Фим, которые должны были быть обеспечены VII корпусом, оказались, в действительности, плохо охраняемыми; правый фланг армии не растянулся дальше Триньи. Вот почему Бюлов хотел оттянуть Клука к востоку.

О III и IV армиях известно только, что их колонны перепутались. IV армия жалуется, что саксонцы загромождают ей дорогу на Куртизоль (Courtisols), Сюипп, Аттиши, что создает значительные задержки.

VIII корпус IV армии и XIX—III-ей ссорятся из-за дороги; между обоими командирами корпусов происходит весьма неприятная сцена на самой дороге. Договариваются до нежелательных слов; саксонцы находят случай упрекнуть своих соседей в плохом товариществе в предыдущие дни. Если верить Баумгартену, то IV армия очень плохо управлялась и только и знала, что звала на помощь.

Все это произошло от того, что главная квартира не указала разграничительных линий. Она вспомнила об этом только 12 сентября в 23 часа. В течение всего этого дня, 12 сентября, от главной квартиры не получается никаких сведений, кроме сообщения, посланного во II армию о присутствии в Париже 2 английской дивизии. Вероятно, Бюлову это, к стати неправильное, сообщение, показалось имеющим сомнительный нтерес.

Разграничительные линии, определение которых было крайне важно с начала отступления, были следующие:

„Для II армии, самая восточная дорога: Норуа, Пон-Фаверже, Ля Невиль (La Neuville), Жюнивиль, Мениль, Амбли, Амань.

„Для III—самая восточная дорога: Жоншери-на-Сюипп, Суэн (Souain), восточнее Сом-Пи, Семид, Сент-Мари, Вузье, Террон (Terron), Лез-Алле (les Alleux).

„Для IV—Шодфонтен (Chaudefontaine), Виль-на-Турбе, Сервон, Кондэ, Отри, Лансон, Сенн, Граннре, Тенорг".

Что же касается разграничительных линий между I и II армиями, то ее должен был назначить Бюлов. С этой стороны нечего опасаться затруднений.

День 13 сентября. — Клук ожидает атаки на высотах северного берега Эны от Аттиши до Кондэ.

В течение утра на фронте сравнительно спокойно; хотя некоторым частям неприятельской пехоты и удалось перейти Эну, к востоку от Вика, но это не важно. На правом фланге IV кавалерийская дивизия, находящаяся в Нампсель (Nampcel), доносит о переходе Уазы у Рибекура неприятельской конницей; за этим необходимо проследить. Однако, на левом фланге положение гораздо серьезнее. Марвиц, находящийся со 2 и 9 кавалерийскими дивизиями в Бре-ан-Лаонуа (Braye-en-Laonois) и в Серни, извещает около 11 часов о подходе значительных неприятельских сих, находящихся в движении к Эйи (Oeuilly) и Бур-э-Комен (Bourg-et-Comin). Эти деревни расположены на реке Эн. К полудню французские пехотинцы вступают в долину реки, а конница утверждается на правом берегу.

Сильно обеспокоенный, Бюлов просит I армию атаковать своим левым флангом; но около 18 часов Клук отвечает, что это для него невозможно, так как в районе Краонн его левый фланг обойден; на правом фланге пришлось отойти и оставить высоты к северу от Аттиши, Вик. К концу дня „противник, заявляет он, атакует меня на фронте Нампсель, Нувьон, Кюффи, Вайи".

Клук испускает даже крик отчаяния: „I армия атакована очень сильным противником". Затем позднее: „Где VII армия"? Она подходила.

Штабом этой армии является штаб VII армии, действовавшей до сих пор в Вогезах. Он выгружается вечером 13 сентября в Сен-Кантене. VII армия, так же как и I, подчинена Бюлову. „Однако, говорит Баумгартен, подчинение VII армии Бюлову, так же как и I, не имело благоприятных результатов, так как Бюлов сохранил непосредственное командование II армией и продолжал глядеть на все с

точки зрения этой армии так же, как он это делал в продолжение всей кампании". VII резервный корпус появляется первым; он осаждал Мобеж. Освободившись 7 сентября после капитуляции этой крепости, он двинулся на юг; 13 числа, после обеда, как раз в рассматриваемый нами момент, его авангард достиг Бре-ан-Лаонуа.

Кроме VII резервного корпуса, армия еще имеет следующие силы: 7 кавалерийскую дивизию, которая должна прибыть в Нуайон 14 утром, IX резервный корпус, вступивший в Бельгию следом за I армией и двигающийся походным порядком из района Лилля; он прибудет к Нуайону 14 вечером; XV корпус, идущий с Вогезов, тот самый, перевозка которого была задержана атакой бельгийцев и крушением, происшедшем в Монсе; его направляют к Сен-Кантену. По мысли главной квартиры эта армия должна была служить для возобновления охвата правым крылом. Но обстоятельства заставили бросить как XV корпус, так и VII резервный, в промежуток между I и II армиями; головные части XV корпуса будут в состоянии завязать бой 14 вечером. Наконец, предупреждая события, I баварский корпус 14 сентября начинает погрузку в Метце. По прибытии в Намюр он найдет приказы командующего VII армии, указывавшие ему направление движения. Однако, он тоже будет задержан, так как серьезная угроза коммуникациям в Бельгии, в районе Гента, заставит временно оставить его в распоряжении губернатора Бельгии.

Из 3 прибывающих корпусов, VII резервного, IX резервного и XV, два первых были до сих пор очень мало потрепаны.

В этом тяжелом положении, удерживаясь с трудом, Клук в тот же вечер получает от Бюлова приказ удлинить свое левое крыло до высот у Фим, продолжая удерживаться на своих прежних позициях. Клук не хочет и слышать об этом растяжении своего фронта; успокоенный прибытием VII резервного корпуса, Клук надеется удержаться, но только, если этот корпус поддержит его. Как только командующий I армией узнает о его прибытии около 13 часов, он телеграфирует ф.-Бюлову, что „необходимо его подвести". Вечером в 11½ часов, по получении приказа от Бюлова, он отвечает ему: „Соблаговолите передать в главную квартиру, что 13 числа I армия удержала свои позиции к северу от Эны. Значительные неприятельские силы двигаются для атаки Суассона и Вика. Правый фланг армии отведен в сторону Компьеня, откуда двигается противник. Части I армии произведут завтра контр-атаку. Присоединится - ли к этой атаке, к востоку от Вайи, VII резервный корпус"?

В этом приказе любопытно все; во-первых, его начало „соблаговолите передать в главную квартиру". Чувствуется постоянное сопротивление Клука приказу, подчинившему его II армии; ему хочется видеть в Бюлове только посредника между ним и главной квартирой. По его оценке, это он, Клук, спас положение своим быстрым решением и прекрасным маневром на Урке, а Бюлов испортил дело. Самое любопытное то, что это и будет, повидимому, мнением высшего командования. Маневр Клука с 6 по 9 сентября будет превознесен до небес, а то обстоятельство, что причиной поражения явилось исключительно его неповиновение, будет забыто; он сохранит командование армией, а у Бюлова понемногу отнимут все его корпуса, и он исчезнет с фронта. Как сильно должна германская главная квартира быть потрясена известием об атаке Монури, чтобы из всего этого кризиса у Клука остался только ореол спасителя. После войны Бюлов станет козлом отпущения. Правда, он умер*) в то время, как Клук процветает.

Чувствуется также в этом рапорте от 13 сентября вечером, что I армия не уверена в сохранении своих позиций. Ее правому флангу угрожает опасность, на весь ее фронт производится сильное давление; правда, некоторыми частями попробуют произвести контр-атаки, но при том условии, что в них примет участие VII корпус.

В этот день 13 сентября II армия как-будто бы немного пришла в себя; она сосредоточена между Триньи и Тюизи; ее правый фланг остается висеть в воздухе, левый тесно связан с III армией.

12-го III и IV армии закончили свой отход; III—на линию Тюизи, Сюипп; IV—на линию Сюипп, С.-Менегу. Однако IV армия оказалась слишком выдвинутой вперед, и в течение дня 13 сентября фронт обеих армий был перенесен на линию Прон (Prosnês), Суэн и Суэн, Бинарвиль (16 кл. к северу от С.-Менегу). Эта линия лежала гораздо севернее линии Тюизи, Сюипп, С.-Менегу, указанной приказом от 11 сентября в 10 час. Отойти так далеко заставило давление, испытываемое IV армией.

По этому поводу произошло недоразумение между штабами III и IV армий. Саксонцы, на которых меньше давили, и которые сильно устали, хотели остановиться. Едва прибывали они на какую-нибудь позицию и начинали на ней устраиваться, как вынуждены были, под давлением IV армии, снова отступать. Они энергично протестовали.

---

*) Бюлов умер только 31 августа 1921 г., но он уже был очень болен с 1916 г.

Подполковнику Дамму, агенту связи главной квартиры при III и IV армиях в эти дни приходилось разрываться на части и ездить из одного штаба в другой, чтобы восстановить мир.

Занятие позиций III и IV армиями было началом позиционной войны.

Так же можно сказать и о V армии. Линия, которую она должна была занять, была установлена по соглашению между начальником штаба этой армии и представителем главной квартиры. Кронпринц, командовавший V армией, держался в стороне от этих мер, которым он воспротивился бы. Он был, повидимому, сильно настроен против главной квартиры, о неспособности которой он сильно скорбел. Для него война в военном отношении закончилась неудачей на Марне. Он был зол на главную квартиру, представителей которой, прибывших в его штаб, он хотел, будто бы, арестовать.

Добавим, что в тот же день (13 сент.), саксонцы лишились своего генерала ф.-Гаузена, замененного пруссаком фон-Эйнемом.

День 14 сентября.—Этот день отмечен выступлением VII армии. Сначала VII резервный корпус атакует в направлении на Вайи с частью III корпуса на своем правом фланге. Атака терпит неудачу, фон-Клук сильно взволнован этим. Он телеграфирует Бюлову: „Вследствие того, что против меня ведут бой крупные силы, давление на II армию, вероятно, менее сильно. Атака II армии сильно облегчила бы моё положение“.

II-я армия на нее неспособна. Бюлов взывает к VII-й. XV-й корпус как-раз прибывает к Эзелю (Aizelles) к северу от Краона. Он должен перейти к Живенкуру, где замечены значительные неприятельскихе силы; его поддерживает у Беррье (Berrieux) на левом фланге Марвиц. Во всяком случае усталые 2-я и 9-я кавалерийские дивизии жмутся к пехоте, а противник замечен в Амифонтене и Мальмезоне. При виде этого клина, вбиваемого неприятелем, силы которого преувеличивают под влиянием страха, чуть не возникает паника. Бюлов зовет на помощь к Гиньикуру и Берри-о-Бак VII армию. Она отвечает: „невозможно, не рассчитывайте на движение XV-го корпуса на Берри-о-Бак. Наоборот, II армия должна атаковать своим правым флангом, чтобы выручить VII“.

Бюлов положительно имеет не больше успеха с ф.-Геринген, чем с Клуком. Когда он кричит: „на помощь“, ему отвечают: „ратуйте!“

А между тем положение VII армии было благоприятным. В течение вечера она занимает Корбени и Живенкур; дыра не заткнута, но сужается.

Чтобы закончить изложение обстановки 14 сентября вечером, остается рассмотреть правый фланг I-й армии. Весь день Клук был в беспокойстве. Атаки, направленные из Мулен-су-Туван, Траси-ле-Мон и севернее вынудили его еще оттянуть свой правый фланг. В Нуайоне и к северо-востоку от Руа замечены 3 кав. дивизии, поддержанные территориальной пехотой, пришедшие из Мондидье, Амьена. Но сюда также прибывают подкрепления. 7-я кавалерийская дивизия продвинута к Гаму (Ham). IX-й резервный корпус приближается и рассчитывает вступить в бой у Нуайона утром 15-го числа.

Таким образом 14-го вечером I-я армия занимает приблизительно позиции, которые она сохранит при переходе к позиционной войне; штаб в Воксайоне; IX корпус в Намселе и Морсене, IV резервн.—в Нувионе, IV к северу-западу от Суассона, II—в Кюффи и северо-восточнее Суассона, III—в Конде.

День 15 сентября.—Обоих корпусов VII армии, посланных, чтобы заткнуть дыру между I и II армиями, оказалось недостаточно для выполнения этой задачи. Беспокойство, вызванное клином, вбитым французами в направлении на Сиссон, заставило главную квартиру взять силы из III и IV армий, отход которых привел их к занятию более узкого фронта.

XII саксонский корпус был выдвинут в Вармеривиль с утра 14-го. Из IV армии взяли XVIII корпус, который передвинули к северу-западу.

15-го утром главная квартира, обеспокоенная положением I армии, разрешает ей оставить Эн, если она считает это необходимым, и перейти к Ла-Феру. При таком предположении II и VII армии будут удерживать линию Лаон-Реймс. Как известно. в этом не встретилось необходимости.

Самое важное было остановить давление в центре. II армия должна атаковать, чтобы высвободить VII-ю, считавшуюся уже зарвавшейся. Бюлов соглашается, но выражает желание, чтобы I армия также участвовала в этой операции высвобождения, атакуя своим левым флангом. Вмешательство, в 15 часов, XII корпуса вызывает отступление французов от Краона.

Бюлов, не желающий выпускать Клука, телеграфирует ему, что победа будет полной, если II и III корпуса атакуют в направлении на Фим. Но Клук непоколебим,

„так как его левый фланг сдерживается слишком значительными силами".

В это время сообщают о предстоящем 15-го вечером прибытии XVIII корпуса в Буль-сюр-Сюипп (Boult-sur-Suippes) и Руази. Но уже слишком поздно, сражение на Марне закончено.

Заключение.

Каковы же были с германской точки зрения причины неудачи наступления?

В первую очередь слабость ген. ф.-Мольтке; он проявляет слабость характера, когда 25 августа снимает 2 корпуса и одну кавалерийскую дивизию, чтобы послать их в Россию.

Если немцы расходятся во мнении относительно необходимости из'ятия этих сил, то они единодушно признают, что эти два корпуса должны были быть по крайней мере взяты из южных армий. Это то, что сделал бы Шлиффен: „Усиливайте правое крыло!" Очистив Верхний Эльзас до р. Брюш и перенеся оборону в Лотарингии на линию Метц-Донон, ничем не рисковали. Мощные укрепления, построенные с большими затратами на Верхнем Рейне в Мольсгейме и Метце, были как-раз созданы, чтобы позволить с этой стороны оборону малыми силами. Кроме того, Мольтке совершенно не занимался управлением армий. Так, мы видим, что саксонскую армию постоянно швыряют с запада на восток и с востока на запад, что ей не дают покоя оба ее слишком впечатлительные соседа, зовущие на помощь при малейшей тревоге, и это продолжается целые недели без всякого вмешательства главной квартиры.

Дав лишь несколько указаний, Мольтке должен был следить, по крайней мере, за их выполнением. Но он был слишком далеко, в Кобленце, в Люксембурге; слишком длинная телеграфная связь действует плохо, радио работает неважно. Главной квартире не хватает энергии, и она позволяет своим командующим армиями не повиноваться ей в самых основных вопросах, не дав им почувствовать мундштука. Как только вмешивается воля противника и машина начинает скрипеть, она теряет голову и плывет по течению событий на буксире растерявшихся командующих армиями, которые по своему положению не могут судить об общей обстановке. Правда, у главной квартиры оказалось достаточно мудрости, чтобы подчинить с

момента вступления в Бельгию обе арми двигающегося крыла Бюлову; это была, конечно, полумера,—однако, она могла обеспечить единство управления. Но сама же главная квартира отменяет это подчинение Бюлову 27 августа и берет сама в руки управление, которого она его лишила; она позволяет Клуку с 28 августа оперировать вне общего плана. В момент кризиса, вызванного неосторожным поведением Клука, она не мешает ему постепенно перевести все свои силы на Урк, когда в этом не было необходимости. Она немедленно сдается на просьбу об отступлении всей II армии, посланную Бюловым, взволнованным угрозой англичан, в то время, как было бы достаточно просто отвести правое крыло II армии. Наконец германская главная квартира преждевременно распространяет отступление на все армии, не дав времени тем, которые находились в благоприятном положении, использовать успех в духе общей идеи.

Второй причиной неуспеха была независимость командующих армиями по отношению к высшему командованию и недостаток согласованности их действий.

То Бюлов вступает в бой на два дня раньше, чем он говорил своему соседу и забывает его предупредить об этом. То Клук не слушается не пользующегося авторитетом вождя и действует один по собственному разумению, сначала безудержно стремится вперед, затем бьет отбой, не заботясь о своем соседе, которого он оставляет в критическом положении. Затем он сам кричит и протестует, получив приказ об общем отступлении, которое вызвано исключительно его эгоизмом. А тут еще ссоры, упреки, посылаемые обоими командующими друг другу в течение сентябрьских дней. Печальное зрелище, к которому германская армия не была приучена.

Но прежде чем закрыть страницу на этих упреках, делаемых самими немцами своему высшему командованию, посмотрим по справедливости, какова цена всей этой строгой критики?

Заслуживает ли Мольтке 1914 года тех проклятий, которые посылает ему его соотечественники? Был ли он настолько ниже своего дяди? Не был ли он виновен только в том, что просто приложил способ управления, успех которого был обеспечен в 1870 году исключительно пассивностью французского командования? Маршал Фош уже ответил на это двадцать лет тому назад.

В своих лекциях в военной академии, изучая войну 1870 года и стратегию Мольтке, он говорил нам: „Для общности действий необходимо, чтобы существовало согла-

сие, совместное обсуждение и повиновение подчиненного высшему управлению, которое не ограничивается составлением планов, но действительно командует. Что сказали бы о дирижере, который, указав для исполнения музыкальную пьесу, держался бы далеко позади своего оркестра, оставив на волю исполнителей начать и согласоваться, когда и как они нашли бы лучшим?"

Разве не кажется, что здесь читаешь критику операций II и III армий с 20 по 23 августа?

„Однако, продолжает Фош, это то, что сделал Мольтке в 1870 году. По настоящему война не управлялась им. Инициативу взяли на себя его подчиненные. Очень любопытно наблюдать за поведением Мольтке по отношению к этой инициативе, которая, в сущности, является настоящим неповиновением. Он систематически воздерживается от возражений против совершившихся фактов и не осуждает их виновников. Он не только прикрывает своим собственным авторитетом ошибки своих подчиненных, избегает порицаний, но даже их одобряет. Это, конечно, еще больше поощряет их продолжать в том же духе". Это и есть как раз случай ф.-Клука, когда он, заворачивая 30 августа к Уазе, разрушает весь план, установленный 27-го главной квартирой, и в этом оправдание всего его последующего неповиновения.

„Он желает сохранить и развить их дух инициативы, уверенный, что это даст победу. Таким образом эта победа явится результатом не его собственных комбинаций, которые почти никогда не выполняются подчиненными, но результатом комбинаций, импровизированных подчиненными. Вместо крупных стратегических успехов, которые могут явиться только следствием общего плана, согласованного генералиссимусом, получится ряд тактических успехов, которые, тем не менее, в конечном результате, пошатнут и деморализуют противника".

Эти соображения содержат настоящее пророчество о кампании 1914 года.

Но почему же Мольтке 1914 года оказался неправ, когда следовал методом своего дяди? Почему то, что так хорошо удалось в 1870 году, потерпело неудачу в 1914 г.? Потому что, говорит нам маршал Фош, 50 лет тому назад успехами были обязаны по большей части „ошибкам и жалкой инертности противника, а также полной пассивности всех французских начальников".

Наоборот, в 1914 году, со стороны французов проявляется замечательная солидарность, деятельность и энергия. То, например, генерал Дюбайль 23 августа приказы-

вает своим усталым от отступления и боев войскам атаковать левый фланг принца Баварского, когда предполагают, что он бросится на Нанси. То Кастельно, когда против ожидания замечают, что баварцы направляются к югу, командует 25 августа, едва оправившись от своего страшного потрясения у Моранжа: „Вперед! Повсюду! До конца“!

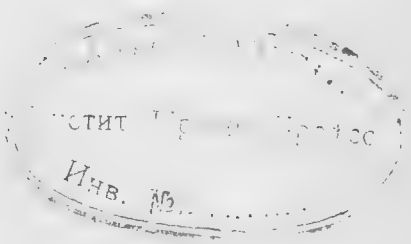
Какое же признание вырывает у наших врагов констатирование этого факта?

Сражение выиграла воля французов. Воля французов, олицетворенная в холодной бесстрастности Жоффра в течение всего отступления, последовавшего за поражением на границах; в его великолепном: „кругом“! пробуждающем и гальванизирующем его солдат, галлюцинирующих от усталости. „Вот молодчина! Ein ganzer Kerl, „говорит ф.-Тирпиц. „Кто бы этому поверил?“ восклицает ф.-Клук.

Это воля французов, олицетворенная в отважной энергии Фоша, который вечером 8 сентября, разбитый на всем фронте, отовсюду отброшенный, вынужденный отвести назад свой штаб, приказывает на следующий день своим истощенным войскам наступление и телеграфирует своему начальнику: „положение отлично!“ „Нет ничего более прекрасного!“ пишет Баумгартен.

Вот, что вырвало у Германии победу. Вот, что спасло Францию.

История уже подтвердила это мнение.



ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие маршала Жоффра 5

ЧАСТЬ I-я.

Первоначальные действия.

Основная ошибка 7
Несколько личностей 8
Германские силы 15
Распределение сил 17
Германский план операций 19
Исполнение маневра 27
Взятие Льежа 28
Пограничное сражение 30
Движение к Марне 31

ЧАСТЬ II-я.

Операции III-й армии от 18 августа по 4-е сентября.

Сосредоточение и начало движения 33
Сражение при Шарлеруа-Динан 34
От Мааса к Марне 39

ЧАСТЬ III-я.

I-я и II-я армии с 28-го августа по 15-е сентября.

Преследование 45
Остановка 57
Растерянность 63
Отступление 72
К позиционной войне 81
Заключение 88

Схемы.

III-я армия в августе.
I-я, II-я и III-я армии с 28-го августа по 15-е сентября.

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ.

Москва, Смоленский бул., 53.

Склад изданий В. В. С. Р.—Глазовский пер., д. 1.

НОВЫЕ КНИГИ:

Фалькенгайн.

«Верховное командование».

Перев. с немецкого под редакцией А. Е. Снесарева.

Труд генерала Фалькенгайна, вскоре после своего выхода переведенный на франц. и англ. языки, является наиболее оригинальным и ярким трудом среди немецкой послевоенной литературы. Спокойный тон, широта военного миропонимания и новизна идей выгодно выделяют эту выдающуюся работу среди прочей германской военной литературы.

«Германское наставление для обучения артиллерии».

Вып. 18. Боевая подготовка, проект 1922 г.; перев. с немецкого Григорьева, размер 64 страницы.

Наставление в сжатых и точных выражениях излагает основания и приемы действия в бою современной артиллерии, как вывод из обширного опыта германской армии в Мировой войне. Нашему командному составу всех родов в йск необходимо ознакомиться с этим наставлением, а старшим начальникам и артеллеристам внимательно изучить его.

Инж. Файоль.

«Сосредоточение огня и сосредоточение средств».

($3^1/_2$ печ. листа, с 6 черт.).

Труд инж. Файоля, появившийся еще до Мировой войны, посвящен опровержению взглядов французской довоенной молодой школы, утверждавшей, что скорострельность современной полевой пушки избавляет от необходимости применять сосредоточенный огонь нескольких батарей. Основные вопросы: тактического и технического использования артиллерии, скорострельности ее, экономии сил, массирования огня и др., являются жизненными и по сей день и представляет большой интерес для Красной Армии в период ее строительства и исканий наилучшего и наиболее экономичного применения артиллерийской техники.

Реек Н.

«Управление боем».

Руководство для строевых начальников. Перевод с эстонского К. Трахмана. Под редакцией А. Кук. 181 стр., со схемами и рисунками в тексте. Цена 90 к.

Книга составлена на основании литературы, появившейся после Мировой войны в Германии и Франции, и заключает указания для действий пехоты в бою.

Словарь военно-технических терминов.

Будет составляться при помощи главного артиллерийского комитета, главного инженерного комитета, ученых комитетов при войсках связи, бронесилах и пр. Имеет задачей прийти на помощь командному составу при чтении им современной военной литературы, где подчас довольно часто попадаются мало знакомые военно-технические термины.

Заказы адресовать в Высший Военный Редакционный Совет.

При покупке не менее 10 экз.—скидка 20%, при покупке не менее 50 экз. воинскими частями и учреждениями, расположенными вне Москвы, скидка 30%.

Высший Военный Редакционный Совет.

Москва, Смоленский бул., 53.

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

(Цены показаны в червон. рублях).

НОВЫЕ КНИГИ:

Н. М. Филатов.

«Основания стрельбы из ружей и пулеметов».

С чертежами и рисунками в тексте и в приложении. Размер 18 п. л.

Автор, стоявший во главе Ораниенбаумской оф. стрелковой школы и в настоящее время работающий в Красной Высшей Стрелковой школе,—известный специалист по вопросам ручного оружия, вновь переработывает свой ценный труд, необходимый каждому красному командиру, как настольная книга.

«Маскировка на Западе».

Сборник переводов, наставлений и инструкций по воен. маскировке Франции, Англии, Италии, Германии и др. Москва, 1923 г. 5½ п. л. с рисунками в тексте.

Книга охватывает военную маскировку со всех ее сторон и выявляет взгляды на нее в период мировой войны.

Мозер Отто.

«Краткий стратегический обзор мировой войны 1914—13 г.».

Перев. А. И. Мялковского. 160 стр., 6 карт. на отд. листах. Ц. 1 р. 10 коп.

Труд охватывает все события Мировой войны и является хорошим справочником при ее изучении с чисто военной точки зрения. Политическая сторона сочинения требует серьезного корректива, т. к. автор выявляет себя сторонником буржуазных взглядов на течение исторического процесса вообще и военнополитическую роль Германии в период Мировой войны в особенности.

П. Зигель.

Пособие для разведки и артиллерии (маневренная война). 2 п. л.

В сжатой форме языком, приближающимся по своей точности к уставному, автор дает большой материал артиллерийскому разведчику для выполнения его сложной работы.

Полевая Справочная Книжка.

СОДЕРЖАНИЕ:

Организация и управление войсками. — Служба связи. — Пехота и конница. — Артиллерия.—Бронесилы.—Воздушный флот.—Инженерные войска —Техника.—Средства переправы.—Действия соединенных отрядов.—Малая война —Походное движение.—Отдых и охранение.—Продовольствие войск.—Санитарная служба.

В старой армии большой популярностью пользовалась полевая справочная книжка, изданная в Виленском Военном Округе. Сейчас ее в корне перерабатывают преподаватели Военной Академии и ряд виднейших работников центральных военных учреждений (тт. Сухов, Цейтлин, Лигнау, Смысловский, Лапчинский, Карбышев, Белолипецкий, Сапожников, Загю, Архангельский и др.). Необходимое пособие для командного состава армии.

Заказы адресовать в Высший Военный Редакционный Совет.

При покупке не менее 10 экз.—скидка 20%, при покупке не менее 50 экз. воинскими частями и учреждениями, расположенными вне Москвы, скидка 30%. Книгопродавцам обычная скидка.

Операции III герм армии в Августе 1914 года

Операции I-ой II-ой и III-ей германских армий с 29 Августа по 15 Сентября 1914 года

Масштаб 1:750 000

Высший Военный Редакционный Совет.

Москва, Смоленский бул., 53.

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

(Цены показаны в червон. рублях).

НОВЫЕ КНИГИ:

Джон Фуллер.

„Танки в великой войне 1914—1918 г.г."

Перев. с англ. под ред. В. Ф. Новицкого, 22½ п. л. с 12 рис. и 9 черт. в тексте, пл. сражений и 1 картой.

Книга содержит историю возникновения танка, его постепенного развития и боевой работы на Западном фронте Мировой войны. Описания сражений, в которых танки принимали участие, говорят о солидной мощи этого нового боевого средства и намечают перспективы его крупного влияния на способы ведения войны будущего.

А. Фрайс и К. Д. Вест.

„Химическая Война„.

Пер. с англ. члена артком. М. Н. Соболева 20 п. л. с 121 рис. в тексте.

Один из ценных трудов зарубежной литературы по применению химических средств борьбы. Заключает в себе полные сведения о природе удушливых газов и о применении их в современной войне. Богато иллюстрирован Фотограф. снимками, чертежами и таблицами и издается по образу американского оригинала на бумаге высшего качества.

Данные современной химии.

Главы I и II. Из сборника статей под ред. проф. Галлера (Haller). Париж. 1921 г. Перевод Е. Ф. Деньгина, 37 стр. ц. 40 к.

Газовая война вызвала необходимость широкого ознакомления военных кругов с химическим составом и свойствами ядовитых газов, применявшихся в различных армиях, каковую задачу исчерпывающим образом и выполнит новое издание ВВРС.

Э. Людендорф,

„МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ 1914—18 г.г.

Части I и II под ред. А. Свечина: I ч.— 14 п. л., 14 сх. -|- 8 карт.; II ч —22 п. л., 3 сх.

Автор, крупнейший деятель германского штаба, талантливо рисует картины величий и падения германской армии в мировой войне. Цена 3 р. 50 к.

Ле-Энаф и Борнэк.

„Французские железные дороги и война".

Перев. с французск. Серебрянникова, с 24 сх., 17½ п. л.

Книга подробно освещает тяжелую и ответственную роль, которую выполнили французские ж. д. в мировой войне, и содержит массу ценных указаний по техническим и организационным вопросам, связанным с работой ж. д. в военное время.

Фрейтаг-Лорингофен.

„Выводы из мировой войны" проф. Е. И. Мартынова

Крупнейшая научная величина в германск. военной литературе, доктор Берлинск. университета Фрейтаг-Лорингофен в сжатых словах подводит итоги мировой войны. Он базирует свою работу на данных экономического и психологического характера.

Заказы адресовать в В. В. Р. С.

При покупке не менее 10 экз. скидка 20%, при покупке не менее 50 экз. воинскими частями и учреждениями, расположенными вне Москвы скидка 30%.

Книгопродавцам обычная скидка.

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

МОСКВА
1923